

ПОВЕСТЬ О ПРЕЖДЕВРЕМЕННОМ

ВИКТОР
ГОРБАЧЁВ

АВАНТЮРНО-
МЕДИЦИНСКИЕ
ПОВЕСТИ

Виктор Горбачев
Повесть о преждевременном.
Авантюрно-
медицинские повести

*Текст предоставлен издательством
Повесть о преждевременном. Авантюрно-медицинские повести: Издать
Книгу; 2010*

Аннотация

Прошлое, настоящее, будущее... Светлое или тёмное, близкое-далёкое, счастливое или не очень... Но всегда живое, преходящее, творимое... На виду и герои каждого времени.

«Есть люди прошлого, люди будущего, люди вечного», – утверждал Николай Бердяев.

Забыли про преждевременное... Скорее всего, не хотим в нём копаться, ибо оно всегда безрадостно и обречённо...

Если преждевременные открытие, философия, искусство или ремесло – они безлимитны, они дозреют, то человек зажат временем, как смертник гарротой...

Печальна судьба преждевременных...

Пресс времени – это молва и мода, каноны и близорукость, косность и инстинкты, традиции и склад-уклад...

Преждевременный всегда одинок. Стадом выживать легче, поэтому оригиналов выживают, чтобы не мутил воду, не смущал и не возмущал... У преждевременных во всём – налёт гениальности и эксклюзивности, поэтому они честолюбивы и обидчивы...

Их жгли на кострах, превращая в исчезающий пепел, пытали до отречения, гноили в забвении, и только наивная Вера в святую Истину помогала им выживать...

Семья им помеха, женщины – только те, что за ними в костёр... Квёлые телом, легко ранимые душой, они любят славу, но больше всего боятся забвения...

Преждевременные всегда упоённо учатся, интуитивно чувствуя: чтобы «выстрелить», нужен солидный базис... Удалённость их от времени настоящего есть прямая функция от степени цивилизации социума...

Правда, сильный маргинал имеет шанс стать на время вожаком, двинуть прогресс, подтянуть время, только вовсе не факт, что сонному стаду это во благо...

В норме же преждевременность – это осознанная обречённость, но для наблюдателя – отнюдь не тоска, а тайны и интриги...

Они, преждевременные, местами и временами случаются, и как с ними быть – никто толком не знает...

Стаду трудно понять, что выскочки эти – его, стада, золотой фонд...

«Повесть о преждевременном...», быть может, лишний раз заставит нас оглядеться и задуматься и где-то даже сориентироваться...

Свои герои у прошлого, настоящего и будущего...

И у преждевременного свои. Александр Леонидович Чижевский, «Леонардо да Винчи 20 века», – один из них...

Содержание

Предисловие автора	7
Глава 1. Новосёлы.	10
Глава 2. Гений с Коровинской улицы.	16
Глава 3. «Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после нас».	24
Глава 4. «... и умножающий знанье умножает печаль».	34
Глава 5. Аэроионы из Калуги.	41
Глава 6. «...Лицо полубога выступало за маскою фавна...»	50
Глава 7. «...Была прекрасна – виновата, значит...»	66
Глава 8. «Где слово царя, там и власть, и кто скажет ему: «Что ты делаешь?»»	82
Глава 9. «Род проходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки...»	93
Глава 10. «Всё идёт в одно место: всё произошло из праха, и всё возвращается в прах...»	100
Глава 11. Академия в Уголке.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Виктор Горбачев
Повесть о
преждевременном.
Авантюрно-
медицинские повести

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие автора

Прошлое, настоящее, будущее... Светлое или тёмное, близкое-далёкое, счастливое или не очень... Но всегда живое, преходящее, творимое... На виду и герои каждого времени.

«Есть люди прошлого, люди будущего, люди вечного», – утверждал Николай Бердяев.

Имеет право быть межвременье – всегда смутное, случайное, непредсказуемое со своими мутными героями...

Забыли про преждевременное... Скорее всего, не хотим в нём копаться, ибо оно всегда безрадостно и обречённо...

Если преждевременные открытие, философия, искусство или ремесло – они безлимитны, они созреют, то человек зажат временем, как смертник гарротой...

Печальна судьба преждевременных...

Пресс времени – это молва и мода, каноны и близорукость, косность и инстинкты, традиции и склад-уклад...

Преждевременный всегда одинок. Стадом выживать легче, поэтому оригиналов выживают, чтобы не мутил воду, не смутил и не возмутил...

У преждевременных во всём – налёт гениальности и эксклюзивности, поэтому они честолюбивы и обидчивы...

Их жгли на кострах, превращая в исчезающий пепел, пытали до отречения, гноили в забвении, и только наивная Вера в святую Истину помогала им выживать...

Семья им помеха, женщины – только те, что за ними в костёр...

Квёлые телом, легко ранимые душой, они любят славу, но больше всего боятся забвения...

Преждевременные всегда упоённо учатся, интуитивно чувствуя: чтобы «выстрелить», нужен солидный базис...

Удалённость их от времени настоящего есть прямая функция от степени цивилизации социума...

Правда, сильный маргинал имеет шанс стать на время вожакom, двинуть прогресс, подтянуть время, только вовсе не факт, что сонному стаду это во благо...

В норме же преждевременность – это осознанная обречённость, но для наблюдателя – отнюдь не тоска, а тайны и интриги...

Они, преждевременные, местами и временами случаются, и как с ними быть – никто толком не знает...

Стаду трудно понять, что выскочки эти – его, стада, золотой фонд...

«Повесть о преждевременном...», быть может, лишний раз заставит нас оглядеться и задуматься и где-то даже сориентироваться...

Свои герои у прошлого, настоящего и будущего...

И у преждевременного свои. Александр Леонидович Чижевский, «Леонардо да Винчи 20 века», – один из них...

Великая наука жить счастливо состоит в том,

чтобы жить только в настоящем.

Пифагор

*Утопии часто оказываются лишь
преждевременно высказанными истинами.*

А. Ламартин

*Солнце, сожги настоящее... Во имя грядущего...
Но помилуй прошедшее...*

Николай Гумилёв

Глава 1. Новосёлы.

*Мой путь поэта безызвестен,
Натуралиста путь тревожен,
А мне один покой лишь лестен,
Но он как раз и невозможен...*

А. Чижевский

«Дворянчик», – с явной завистью приклеил ярлык классовому врагу сидящий на заборе вихрастый пролетарий лет тринадцати, весь вылинялый от июльского солнца, удавше-гося в Калуге лета 1913 года.

Ватага мальчишек со скучной на события улиц Ивановской, Васильевской и окрестностей в душе не возражала против заселения семьи военного в заново выкрашенный двух-этажный особняк. Какое-никакое оживление...

Ломовые извозчики, в схожих картузах и прилипших к спицам цветастых рубахах, обычно важные и задумчивые, теперь старательно суетились и матерились без злобы... Барин, видать, не жадный. А только чудно: военный, а книг – сто пудов...

Худосочный «дворянчик» с сосредоточенными, широко посаженными глазами из всего разгружаемого с подвод имущества поспешно и трепетно взял на руки какую-то заверну-тую в пёструю ткань трубу, похожую на самоварную.

«Папа, это чудо что за мезонин! Здесь хватит места и для телескопа, и для лаборатории», – восторженно горящие глаза юноши вызвали довольную улыбку на суровом лице отца, и даже бравые генеральские усы не смогли скрыть умиление.

Кадровый артиллерист Леонид Васильевич Чижевский был прямым потомком придворного Елизаветы Петровны – Петра Лазаревича Чижевского, которому императрица за верность Родине в 1743 году пожаловала потомственное дворянство. В роду было немало воинов, Георгиевских кавалеров, ходивших ещё под знамёнами Суворова и Кутузова; знаменитый адмирал П. С. Нахимов в их числе.

Ещё будучи поручиком, Леонид Васильевич изобрёл командирский угломер для стрельбы артиллерии по невидимой цели с закрытых позиций. Экспериментировал он и с ракетами конструкции генерала К. И. Константинова, но, как оказалось, преждевременно...

Не хоровод ли планет поставил на этот род Каинову печать преждевременности?..

Широчайшая эрудированность Леонида Васильевича и преданность Отечеству сказалась и после революции 1917 года. В Калуге он руководил курсами красных командиров, а после Гражданской войны даже получил почётное звание Героя Труда РККА.

Потеряв в тридцать семь лет горячо любимую жену, Леонид Васильевич не женился вторично и всецело посвятил себя воспитанию единственного сына – Александра, Шуры по-

домашнему.

Любознательность мальчика поощрялась всемерно, средств на приобретение физических приборов и оборудования для химических и электрофизических опытов не жалелось. К услугам Шуры была и богатейшая библиотека отца.

Малышу был всего один год, когда от туберкулёза умерла его мать, поэтому воспитанием его, кроме отца, занимались бабушка и сестра отца, которую он и называл матерью. Не мудрено, что под воздействием двух высокообразованных женщин малыш полюбил музыку, поэзию и живопись. В возрасте четырёх лет он уже учил наизусть русские, немецкие и французские стихотворения, за что получал денежное вознаграждение от бабушки, которая сама, помимо этого, знала ещё английский, итальянский и шведский языки.

Вспоминая впоследствии детские годы, Александр напишет:

«Когда я сейчас ретроспективно просматриваю всю свою жизнь, я вижу, что основные магистрали её были заложены уже в раннем детстве и отчётливо проявили себя к девятому или десятому году жизни. Дисциплина поведения, дисциплина работы и дисциплина отдыха были привиты мне с самого детства. Полный достаток во всём и свободная ненуждаемость в детстве не только не изменили этих принципов, но, наоборот, обострили их. С детства я привык к постоянной работе».

С пяти лет Шура сам начал писать стихи, а во время оздо-

ровительных поездок на юг Франции и Италии учился живописи у художника Гюстава Нодье, ученика ставшего впоследствии классиком импрессионизма Эдгара Дега.

Перед самым переездом из Польши в Калугу к Рождеству 1913 года в Варшаве для Шуры была куплена дорогая, с паспортом, скрипка итальянского мастера Давида Тэхлера. По преданиям на ней играл сам Паганини...

Шура без принуждения вполне прилично освоил инструмент, пробовал и сочинять. В минуты вдохновения, когда Шура музицировал, рисовал или, шагая по комнате, громко декламировал, бабушка с умилением располагалась снаружи у двери и в комнату к любимцу никого не пускала...

Особенно душевные стихи или музыка могли вызвать у Шуры слёзы умиления – эта проникновенность оставалась его брешью до последних дней.

Существовали, однако, и другие обстоятельства, определившие, в конце концов, жизненные приоритеты Шуры отнюдь не в пользу искусства.

Щедро одарив его всевозможными талантами, природа явно поскупилась на здоровье мальчика. Рос он хилым, болезненным ребёнком, с целым букетом болячек. Поездки на море приносили временные облегчения, чаще же всего Шура недомогал...

Сочетание любознательности и болезненности при этом имело странные результаты, часто удивлявшие и даже пугавшие взрослых. По своему состоянию мальчик научился точ-

но предсказывать погоду. Можно предположить, что так и оформилась у него со временем тяга к научной медицине вообще и к влиянию на организм окружающей среды в частности.

А уж когда он однажды заявил, что намерен научиться лечить чахотку, погубившую его мамочку, бабушка и вовсе захлопала носом и полезла за носовым платком, а отец понял ориентиры дальнейшего воспитания...

И ещё одно – домашний телескоп, подаренный ко дню рождения пронизательным отцом. Загадочное звёздное небо, Луна и особенно Солнце заставляли сердце мальчика трепетать... Ночи напролёт проводил он за телескопом, днями искал ответы в звёздных атласах и других книгах на разных языках из богатой библиотеки отца.

В девять лет Шура написал свой первый трактат о звёздах, ввёл систему наблюдений за солнечными возмущениями. Казалось бы, классическое рождение классического учёного...

Народившаяся страна же, как оказалась, тяготела к избранности.

Или роды преждевременные, или страна недоношенная... «На Яченку возьмём?» – Рыжий на заборе, видно, самый дружелюбный. Или самый млявый от Солнца...

«Ане пескарей не потребляют», – прищур Сутулого с шелухой от семечек на губах вполне мог означать укор и классовую непримиримость в будущем.

Шура, Шура... Ловил бы пескарей да семечки лушил...
А ты – в солнцепоклонники...

*Хотел бы я ходить за плугом,
Соить грибы, сажать картошку,
По вечерам с давнишним другом
Сражаться в карты понемножку.*

*Обзавестись бы мне семьёю,
Поняв, что дважды два – четыре,
И жить меж небом и землёю
В труде, довольствии и мире.*

*Ах, нет, душа волнений просит
И, непокорная рассудку,
Мой утлый чёлн всегда заносит
В преотвратительную шутку.*

А. Чижевский

Глава 2. Гений с Коровинской улицы.

Традиции и учебные программы калужского реального училища Фёдора Мефодьевича Шахмагонова не имели своими целями отыскивать и пестовать светочей отечественной науки. Одеты в одинаковую серую форму ученики почему-то вызывали у поступившего по приезду в шестой класс юного Александра Чижевского ассоциацию стриженных под горшок. Очень реальное было училище...

Без всякого восторга таскался он ежедневно в скучную коробку на Богоявленской, с нетерпением ожидая конца уроков, когда, наконец-то, дома займётся вещами более замечательными.

Учился неровно, что при наличии исследовательской упёртости и нескрываемой эрудированности, на фоне знания языков и владения музыкальными инструментами отнюдь не делало его любимым учеником, зато вызывало подозрения... Мало того, феноменальная память юного Чижевского часто раздражала и даже пугала господ учителей.

Конфликт назревал неотвратимо, как ячмень на глазу...

История умалчивает, чем руководствовался господин Шахмагонов, директор училища, доктор зоологии, когда в начале апреля 1914 года вместо урока по рисованию пригла-

сил старшекласников в общую залу на встречу с Константином Эдуардовичем Циолковским.

«Имейте в виду, господа, сегодня вы увидите человека выдающегося... Циолковский – учёный, изобретатель и философ. Внимательно слушайте его лекцию. Его идеям принадлежит большое будущее...»

Высокий, лобастый, бородатый старик с отрешённым поначалу взглядом вовсе не был Чижевскому знаком. Впрочем, как и всем остальным. Реакция же одноклассников на учителя математики женского епархиального училища была однозначной: снисходительность, улыбки, открытые насмешки, нелестные сравнения...

Он вошёл быстрыми шагами, неся с собой какие-то овальные предметы, сделанные из белого металла, и свёрток чертежей. Большого роста, с открытым лбом, длинными волосами и чёрной седеющей бородой, он напоминал былинных поэтов и мыслителей. В то время Константину Эдуардовичу шёл пятьдесят седьмой год, но он казался старше из-за некоторой седины и сутулости. Тёмные глаза его говорили о бодрости духа и ясности ума, они светились, сияли и сверкали, когда он излагал свои идеи...

«Одет он был также по старинке: длинные, гармошкой складывающиеся чёрные брюки, длинный тёмно-серый пиджак, белая мягкая сорочка с отложным воротником, повязанная чёрным шёлковым шарфом. Костюм соответствовал его внешности: он был серьёзен, прост и не носил следа осо-

бой заботы, о чём свидетельствовало два-три маленьких пятна и отсутствие пуговицы на пиджаке. Простые хромовые ботинки также были основательно изношены»

(А. Л. Чижевский. «Необъяснимое явление»)

Сквозь шум в зале Александр не сразу расслышал тихий, усталый, но твёрдый голос Константина Эдуардовича. Когда же до его уха долетели слова «звёзды, Солнце, космоплавание, аэродинамика, ракетостроение, космическая баллистика», он насторожился:

«Кто этот странный, сутулый господин? Почему в губернской глуши школьный учитель говорит о Космосе?!»

«Непонятная и неожиданная человеческая громада», — напишет он потом в своей книге о К. Э. Циолковском.

А это и была всего-то судьба...

Зачитанные до дыр, капитальные по тому времени курсы астрофизики Юнга, Море, Эббота, Аррениуса возбуждали в юном мозгу тысячи неразрешимых вопросов...

«Понятно, что Солнце по большому счёту определяет собою Жизнь и Смерть на Земле, ясно, что полярные сияния и магнитные бури связаны с ним. Но вот эти циклы возмущений на светиле... Значит, на всём живом на Земле тоже должны быть отпечатки тех же циклов... У кого узнаешь...»

А тут ещё новомодный Жюль Верн... В 1895 году он написал:

«Плавучий остров посетит главные архипелаги восточной части Тихого океана, где воздух поразительно целебный,

очень богатый кислородом, насыщенным электричеством, наделённым такими живительными свойствами, коих лишён кислород в обычном своём состоянии».

Откуда эту идею о кислороде, насыщенном электричеством, почерпнул знаменитый француз. Откуда?! Да, он пристально следил за опытами учёных, их высказываниями и все сведения заносил в специальную картотеку – огромное хранилище всевозможных идей, догадок, удачных и неудачных опытов, взлётов фантазии и намёков, которым некогда суждено будет, может быть, развиться в научные дисциплины. Огромная картотека Жюль Верна славилась по всему миру. Не потому ли на сегодняшний день из всех фантастов Жюль Верн – самый реализованный?!

Застраивший в юном мозгу вопрос о жюльверновском наэлектризованном кислороде неожиданно всплыл летом 1915 года в Петрограде, куда Александр приехал по делам учёбы.

Остановился он у мужа своей тётушки, Афанасия Семёновича Соловьёва, доктора медицины, главного врача Путиловского завода.

Он-то и подкинул пытливому племяннику вопросик от своего друга И. И. Кияницина.

Оказывается, если пропустить воздух через слой ваты толщиной не менее двадцати четырех сантиметров, то все животные в нём погибнут... Чудеса... Что теряется на вате и не доходит до животных?!

Хитрый доктор и дорожку указал: харьковский-де гиги-

енист Скворцов и одесский физик Пильчиков считают, дескать, что заряды атмосферного электричества застревают на вате, и животные гибнут вследствие их отсутствия. Кислород, якобы, потеряв электричество, перестаёт действовать как окислитель...

«Вот тебе, Шура, проблема на добрый десяток лет... Займись-ка ею. Ведь это дьявольски интересно. По-видимому, в этой области лежит большое научное открытие...»

Печатные анналы Калуги вопроса не прояснили, учёные авторитеты спасовали...

К Константину Эдуардовичу...

«Коровинская улица была одной из самых захудалых улиц Калуги. Она лежала далеко от центра города и была крайне неудобной для передвижения осенью, зимой и весной, ибо шла по самой круче высокого гористого берега Оки.

Дом Циолковского был самым крайним на Коровинской улице и был выстроен как раз в том месте, где гора кончается и переходит в ровное место, по которому и течёт Ока. Ходить по этой улице в дождь и особенно в гололедицу было делом весьма трудным. Улица была немощёной, с канавами по самой середине, с рытвинами и буераками, прорытыми весенними дождевыми потоками. Это мешало ездить по ней не только в рессорном экипаже, но и в телеге: здесь легко можно было сломать рессоры, ось у телеги или спицы у колеса.

По этой улице предпочтительно было только ходить пеш-

ком, да и то глядя в оба, как бы не сломать себе ногу. О том, что когда-то с телегой действительно произошла авария, свидетельствовало сломанное колесо, долгое время лежавшее в канаве посередине улицы. Тут же был вырыт глубокий колодец, обслуживающий жителей нижнего отрезка улицы.

Если зимой Коровинская улица представляла собой снежную гору, по которой даже самые отважные мальчишки вряд ли рисковали кататься на санках, то с наступлением весны картина резко менялась. По улице текли непрерывные потоки мутной воды, направляющиеся сюда, как в сточную трубу, из лежащих выше улочек и переулков, из всех семидесяти дворов, и несущие с собой разный мелкий хлам, сор и нечистоты, накопившиеся за шесть месяцев зимы.

Все эти грязные ручьи стремглав проносились мимо дома Циолковского и образовывали тут же, за домом, огромную лужу, которая иногда держалась до середины мая, пока земля не впитывала в себя влагу, и весеннее солнце не выпаривало её.

Вид отсюда был замечательный: Калуга с многочисленными церквями и позеленевшими садами наверху, живописно разбросанными на горе. Внизу, шагах в ста от дома, текла полноводная Ока. Слева (за рекой Яченкой) темнел знаменитый калужский бор – место прогулок молодёжи. А за рекой, среди зелени, вилось шоссе. Прямо на холме располагались сады, парки, дома и церковь.

Кабинет Циолковского, она же мастерская, она же спаль-

ня, на втором этаже ветхого домика завален заготовками для дирижаблей, моделями ракет, чертежами».

Великие умы часто занимали себя какой-либо механической работой: Спиноза шлифовал стёкла, Монтестье огородничал, Толстой ходил за плугом, Павлов играл в городки, Менделеев клеил чемоданы. Циолковский же любил слесарную и столярную работу.

«Могут ли циклы солнечной активности иметь влияние на мир растений животных и даже человека?»

Константин Эдуардович надолго задумался...

«Было бы совершенно непонятно, если бы такого действия не существовало. Такое влияние, конечно, существует и скрывается в любых статистических данных, охватывающих десятилетия и даже столетия. Вам придётся зарыться в статистику, касающуюся живого и сравнить одновременность циклов на Солнце и в живом мире.

А по поводу гибели животных в профильтрованном воздухе... Ну что же... Раз есть живая и мёртвая вода, почему бы не быть живому и мёртвому воздуху?!»

«Это здорово», – вдруг обрадованно воскликнул Константин Эдуардович.

«Это касается и моих работ по звёздоплаванию. Ведь человек при полёте в космос будет обречён дышать искусственным воздухом без всякого электричества. И если это так смертельно, то следует этот вопрос обсудить.

Если так, если не простой молекулярный кислород, а

ионизированный в определённых порциях поддерживает жизнь, то это же противоречит современным взглядам – и тогда вы обречены на муки, непризнание и клевету. Это, имейте в виду, обязательно для таких больших деяний, и от этого вам не увильнуть.

В то же время, это очень заманчиво – на вашем месте я бы попробовал и не обращал бы внимания на мосек, которые, конечно, будут лаять на вас даже тогда, когда весь мир признает ценность ваших работ, и академики увенчают вас лаврами. Моськи будут лаять... Это – общий закон...»

Вот так: старый рвался заселить далёкие планеты, молодого заботило влияние Космоса на Землю...

И ведь оба знали про мосек, но явно недооценили особенности отечественной породы...

*О, человек, о, как напрасно
Твоё величье на Земли,
Когда ты – призрак, блик неясный
Из пролетающей пыли...*

*А. Чижевский
1915 г.*

Глава 3. «Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после нас».

«Папа, мы с тобой должны непременно посетить Козельск», – заявил однажды Шура по приходу из училища.

«Что так?» – генерал всегда вполне серьёзно относился к любой инициативе сына.

«Сегодняшний урок истории показал, что в обороне Козельска от татаро-монголов есть много непонятного... Концы с концами не сходятся.

Сам посуди: почти пятьдесят суток ордынцы топтались под стенами этого крошечного городка. И это при том, что он им вообще был не нужен – ни богатства там особого, ни какого-то стратегического значения. Рязань, Владимир, Галич пали за несколько дней... А тут, понимаешь, битва почти как за Киев...

Поэтому интересно взглянуть, что там за неприступная крепость такая. Тем более, что это совсем рядом, всего семьдесят вёрст».

«Принял к сведению», – по-военному отрапортовал отец, и это означало, что с сего момента началась их обоюдная

подготовка к поездке. Традиционно активная, надо сказать, подготовка.

Изучалась вся доступная литература, посещались ещё раз все музеи, опрашивались все краеведы и тому подобное.

В истоках будущего широчайшего научного диапазона профессора Чижевского – Леонардо да-Винчи 20 века – и такая научная строгость и тщательность в том числе.

«Обрати внимание на берега», – показал рукой отец, когда они пересекали Оку.

«Метров семь, не иначе, подъём воды был. А в Козельске две реки сходятся – Жиздра и Другусна. Стало быть, две “большие воды” по весне. Вот тебе и рубеж труднодоступный. Распутица, брат, для военных – сушья канитель...»

«Фортификация достаточно грамотная», – помесивши изрядно окрестную грязь, констатировал генерал.

«Оно, конечно, и распутица, и укрепления – вещи немаловажные, могут стать при обороне и решающими. Но в случае с Козельском имеют право на существование и другие версии. Скажем, передовые войска просто стояли и ждали подхода основных сил. К тому же не исключено, что сказывалась общая потрёпанность в недавних сражениях, и требовалось зализать раны...»

«А я читал, – проявил осведомлённость Шура, – что монголы просто мстили городу за давнее убийство послов бывшим козельским князем Мстиславом Святославовичем».

«Слабая версия, потому как смоленский князь, например,

тоже был участником того позорного убийства. Да и богатый торговый город Смоленск куда как более заманчивая добыча для алчущих ордынцев, чем захудалый Козельск. Ан нет. Смоленск вообще никогда татаро-монголами не штурмовался...

И чего вдруг тогда Батый на Новгород не пошёл?! Вот как раз распутицы-то никакой и не было, а совсем даже наоборот, и конница могла форсированным маршем идти по замёрзшим рекам и озёрам...

Но давай на время оставим в покое Козельск и поговорим о более позднем “стоянии” на нашей Угре. Здесь загадок не меньше.

Иван Третий – великий князь московский, государь Всея Руси – на одном берегу Угры, на другом – татарский хан Ахмат. Тоже долго стояли, несколько месяцев друг за другом поглядывали. Потом татары вдруг снялись и понеслись во весь опор домой, в степи, и это считается концом “ордынского ига” на Руси.

Но это было потом. А до того Иван Третий продемонстрировал, что он совсем не горит желанием сражаться с ордынцами. Епископ Вассиан употребил всё своё красноречие и эмоции, даже угрожал отречением от церкви, и всё для того, чтобы убедить государя выйти на защиту своей страны... Наконец-то государь соизволил пройти с войском двести вёрст и расположиться лагерем на левом берегу Угры...

А дальше, во время стояния, и вовсе странные вещи на-

чались...

Ахмат хочет вести переговоры с государем и объяснить, наконец, чего из степей на Угру припёрся, а государь... не желает вообще с ним общаться... Вообще молчок: ни государь, ни послы – полная обструкция хану.

Представляешь, несколько месяцев тысячи и тысячи воинов с обеих сторон просто уничтожают провиант в полном бездействии...

Потом вдруг, в один момент, татары тоже молчком исчезают, оставляя правый берег Угры в кострищах, лагерном мусоре и конском навозе...

Теперь для поиска истины давай попробуем выстроить общую картину татаро-монгольского нашествия, без деталей, как в школе учат.

В начале 13 века в монгольских степях самый живучий хан – Чингисхан – всеми правдами и неправдами собрал кочевые племена в одну армию, наладил в ней железный порядок и надумал завоевать весь мир... Начал с Китая, потом вышел на Русь, потом уже его внук, хан Батый, пожёг Польшу, Чехию и вышел к Адриатическому морю.

Править в покорённых государствах ханы доверяли определённым князьям на основании выдаваемых им ярлыков, а сами получали дань и терроризировали население зверствами и грабежами. За триста лет такого татаро-монгольского ига случались попытки Руси от него освободиться. В 1380 году, например, Дмитрий Донской разбил ордынского хана

Мамая на Куликовом поле...

Ну, а потом уже было стояние на Угре, непонятное бегство ордынцев и их совсем уж таинственное, бесследное исчезновение...

История Древней Руси известна по некоторым материальным источникам, редким старинным рисункам, а также материалами раскопок. Основной принято считать Радзивилловскую рукопись “Повесть временных лет”, копию которой Пётр Первый привёз в начале 18 века из Кеннигсберга, чуть позже в России оказался и её оригинал.

Но в одном мы с тобой правы: на сегодняшний день в истории татаро-монгольского ига есть ещё очень много тайн. И не только в обороне Козельска или в стоянии на Угре.

Изволь:

– армия Золотой орды насчитывала триста-четыреста тысяч всадников, и каждый имел по два-три коня для транспортировки оружия, фуража, добычи и для боя, разумеется. Это же почти один миллион голов! Чем их кормить?! Передовые всё съедят и вытопчут, а арьергард?

– кстати, лошади под монголами, как установили учёные, почему-то были вовсе не монгольской породы;

– в самом войске, как свидетельствуют многие источники, большинство ордынцев были вполне европейской внешности, мало того, христиане... Сам Чингисхан, как и большинство его военачальников с русскими именами-прозвищами, были высокими, светлоглазыми, с большими русыми бо-

родами. Да будет тебе известно, что у мужчин монголоидной расы борода практически не растёт;

– монголы, как прирождённые степняки, оказывается, уверенно воевали и в непроходимых славянских лесах;

– почему ордынских вельмож волновали дела исключительно русских удельных князей?!

– за все годы татаро-монгольского ига почему-то не пострадал ни один русский священнослужитель;

– где, наконец, хоть какие-то следы великой, на пол-мира, империи Чингисхана-Батыя?! Одних костей в земле сколько должно быть! А добыча, архивы, имущество?! Потомки, наконец...

Справедливости ради надо сказать, что в последнее время на некоторые из этих вопросов ответы всё-таки появляются. Вот, например, капитальный труд подзабытого историка Андрея Ивановича Лызлова “Скифийская история”.

Оттуда проистекает, например, что, пока ордынцы с ханом Ахматом топтались несколько месяцев на Угре, а Иван Третий играл с ними в молчанку, московское войско втайную сплавило на лодьях по Волге в Орду, к “жилищам поганых”. Была форменная безобразная резня, жертвами которой стали беззащитные дети, старики и женщины ордынцев...

Вот когда московское воинство с великой добычей возвратилось домой, и хан Ахмат узнал об этой беде, он и снялся с Угры и помчался в свои степи, в Орду – “...как тебе не

стыдно-о-о!”».

Не исключено, что оставшиеся безответными вопросы отца о недомолвках и тайнах татаро-монгольского ига на Руси в какой-то степени и сподвигли Шуру Чижевского по окончании реального училища к поступлению в Археологический институт.

Правда, делом его жизни ни археология, ни история всё-таки не стали... Рискнём предположить, что недвусмысленная политическая ангажированность истории, как науки, как раз и отпугнула молодого человека, по складу ума и характера настроенного только на чистую науку...

Другой вопрос, что его, как и Пушкина, «чёрт догадал... родиться в России с душой и талантом», и ему так и не довелось насладиться в полной мере служением «чистому разуму»...

Много воды утекло со времён их с отцом интереса к «ордынскому» вопросу... Будет несправедливо, если мы не дополним их изыскания красивой современной версией татаро-монгольского ига на Руси. Версией, которая удивительно точно ставит все точки над «і».

«А не было никакого нашествия!» – утверждают академик Анатолий Фоменко, писатель Александр Бушков и ряд других исследователей.

А была гражданская война на Руси, удельные князья воевали друг с другом. А татаро-монгольской орды не существовало и в помине... Да, были отдельные отряды наёмни-

ков-татар, да и те были из Заволжья, соседи русских...

Потомки князя Всеволода «Большое Гнездо» воевали между собой за единоличную власть над Русью, вот что было.

В силу древних географических (в меньшей степени), а также последующих политических интриг (в основном) Великая Русь – это и была Татаро-Монголия. Выходит, это русская армия покорила территорию от Тихого до Атлантического и от Северного Ледовитого до Индийского океанов...

Получается, это наши предки заставили трепетать всю Азию и Европу.

Чингисхан по мнению некоторых учёных – это князь Ярослав, по военному прозвищу Чингис (хан – военный начальник). А Батый – его сын, Александр Невский. Высокие, с бородами лопатою, белокурые. Во многих языках «орда» – это армия...

А на какую ж Русь та орда ходила?! А на киевскую! Именно Русью и называли в 12–13 веках сравнительно небольшую территорию вокруг Киева, Чернигова, Курска... Поэтому московские, новгородские или, скажем, владимирские как раз и наезжали именно в Русь, то есть в Киев, например.

И в Козельске-то сидел князь Мстислав Глебович из черниговской династии. Той самой, которую Ярослав и Александр так упорно и жестоко старались искоренить, как одного из конкурентов.

И на Новгород, стало быть, Батыю-Александром Невскому

абсолютно незачем было идти, ведь это же его город. А разрушать богатый Смоленск, как уже сложившийся центр международной торговли, было бы для Батые-Александра, ясное дело, себе дороже...

Чего уж теперь искать некие следы-остатки империи Батые – нет их, этих следов, откуда же им взяться...

Вот почему «татаро-монголы» так уверенно воевали в русских лесах – выросли они в них!

И, наконец, в рукописях, уцелевших от времени и переделок или не особо тщательно вымаранных, нашли такую фразу: «Александр Ярославович Невский по прозвищу Батый».

В начале 13 века на Руси создалась кризисная ситуация. Князей, знаете ли, стало много, больше, чем княжеств. Поэтому до «нашествия татаро-монголов» – сплошная смута и грызня за престолы, братоубийство, измены и прочее безобразие. Пришли татары – и навели порядок!

Из множества князей и князьков выдвигается один государь, и устанавливается централизованная власть. А кто с таким порядком несогласен, будьте любезны, получите набег «ордынцев» в разъяснительных целях.

Вот вам ответ ещё на один вековой вопрос: почему же «ордынцы» ничем другим не занимались, кроме как поддержанием порядка на Руси. И только на Руси, заметьте, насколько при этом не заботясь созданием такой же стройной системы великого княжения в других покорённых странах.

Стало быть, Русь и Орда – это одно и то же. Только «Ор-

да» – это войско владими́ро-суздальских князей, силой насаждавших на Руси единоначалие.

И уж совсем недавно вооружённые современными технологиями историки обескураживающе установили: тот самый основной источник – Радзивилловская рукопись «Повесть временных лет» – есть элементарная подделка. Фальшивка, если угодно...

И тогда возникает вопрос: а кто и зачем так нагло редактировал нашу с вами историю?!

Хороший вопрос, закономерный, но ответ на него интересно добыть, что называется, проистекающий. А для того – ещё одно семейное исследование по инициативе въедливого школяра Шуры Чижевского.

Правда, соблюдая хронологическую канву, немного позже.

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно...*

Владимир Соловьёв

Глава 4. «... и умножающий знание умножает печаль».

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила войну России.

Неделю спустя 3-я артиллерийская бригада, которой командовал отец, выступила из Калуги на фронт.

Старшие классы училища стали похожи на рой растревоженных пчёл. Юноши как-то сразу возмужали, чаще стали вспоминать богатое боевое прошлое земляков.

В Александре тоже заговорила кровь предков. В каждом письме к отцу на фронт он умолял его разрешить поступить в армию добровольцем, даже усики отпустил для солидности. Авторитет отца непререкаем. В семьях друзей-одноклассников Витмана и Танского традиции, видимо, более лояльны, и одному из них, Танскому, удаётся удрать на фронт. Правда, через пару недель в сопровождении унтер-офицера приятель был доставлен в лоно семьи...

С приближением выпускных экзаменов Александр не нашёл ничего лучшего, как налечь на учёбу. Все экзамены были сданы на «отлично». Отец с фронта одобрил наследника: «Это уж даже слишком хорошо...»

Отец не навязывал Александру своего мнения по поводу будущей профессии. Умудрённый служака лишь пожелал

ему быть свободным...

Наука в царской России такую роскошь допускала. Переворот 1917 года низверг и эту привилегию, а потому стёр в прах целое поколение молодой российской элиты.

Московский археологический институт предлагал широкий спектр гуманитарных специальностей. Коррективы внёс дядя Фёдор Александрович Невьянов:

«Какая археология?! Война идёт! Разруха будет... Понадобятся экономисты...»

Александр, недолго думая, записался одновременно и в Коммерческий институт, в основном памятуя совет Константина Эдуардовича, из-за мощного курса статистики...

И всё же страсть к наукам и образованию не могла перебить ответственность и боль за Россию. Шла война, и ни один русский дворянин не мог остаться в стороне. В начале 1916 года Александр Чижевский добровольцем отправляется на Галицийский фронт.

По совету отца он был прикреплен разведчиком и бомбардиром к миномётному расчёту в составе его бригады. Воёвал достойно и грамотно. За храбрость в боях был награждён Георгиевским крестом. Потом был контужен и отправлен домой на лечение.

По выздоровлению с удовольствием продолжил учёбу в Археологическом и Коммерческом институтах. Логическим завершением учёбы стала защита кандидатской диссертации «Русская лирика 18 века». Однако приход на тот момент к

власти большевиков-коммунистов и их первые шаги настойчиво утверждали в мысли, что теперь, пожалуй, будет не до лирики...

К концу 1918 года был накоплен огромный статистический материал о влиянии солнечной активности на ход всемирно-исторического процесса. Гипотеза, высказанная Чижевским ещё в безусом возрасте, упрямо находила подтверждение в тысячах фактов, извлечённых им из гор мировых летописей за 2500 лет.

Периодичность войн и революций, взлёты и падения в экономике, крушения империй и подъёмы культуры, взлёты творческой активности, пики эпидемий и катастроф – эти и многие другие процессы явно зависят от солнечной активности.

Спектр оценок гипотезы – от безумной на момент высказывания до всё ещё поражающей в наши дни.

В мае 1918 года учёный совет МГУ слушал защиту докторской диссертации Александра Чижевского на тему: «О периодичности всемирно-исторического процесса».

Учтиво выслушав доклад соискателя, маститый академик и живой классик Климент Аркадьевич Тимирязев вначале сделал брови шалашиком, потом у него от гнева затряслась бородёнка:

«Большого бреда трудно себе представить».

Учёные мужи, известные историки, профессора С. Ф. Платонов, Н. И. Кареев, да и другие, похоже, тоже были

изрядно обескуражены неожиданностью темы и смелостью её изложения.

Их можно понять:

«Если бы мы могли охватить одним взглядом историю человечества и представить её себе всю сразу здесь и теперь, мы были бы поражены возникшею перед нами картиною», – страстно и не без здорового нахальства убеждал маститых молодой соискатель.

«Это была бы не условная сказка, не история заблуждений, а история жёлтого дома Ницше – самого страшного, добавлю я, сумасшедшего дома, который мог только присниться дьяволу».

Может, и не к добру Александр Леонидович припомнил тогда А. И. Герцена, словно взяв его в союзники. Ну, мыслитель, но бунтарь... Ну, демократ, но вождизм по сей день... И чересчур уж натуралистическая философия, господа, право же... Нам бы поближе к Г. Гегелю, хотя этот и не наш...

Чижевского не смутить:

«В мировом историческом процессе орудует отнюдь не homo sapiens, а скорее homo insanus (не человек разумный, а человек безумный). Это значит, что вопреки планам всемирно-исторических индивидуумов, мысленно конструирующих социальную реальность сообразно с теми или иными идеями, в массовой человеческой деятельности осуществляются иные, можно сказать, шизофренические сценарии, истоки которых следует искать скорее в области коллективных

сновидений человечества, чем в сфере политико-идеологического проектирования.

Иначе говоря, история демонстрирует нам не хитрость мирового разума (как думал Г. Гегель, а хитрость неразумия; слепые вожди слепых на самом деле разыгрывают навязанные неведомыми богами (читай силами природы) роли».

Наисовременнейший антиглобалист, да и только...

Как ни бились историки-материалисты всяческих мастей, они так и не смогли объяснить убийственную периодичность загадочных самоубийств, необъяснимых скоропостижных смертей, массовых припадков эпилепсии, октябрьских и мартовских психозов и многих других аномальных событий среди людей.

Чижевский объяснил. Мало того, рассчитал цикл сих явлений – 11,1 года. Мало того, предсказал себе судьбу...

«В периоды повышенной солнечной активности импульсивные индивидуумы, аффективные личности, истерики становятся центрами распространения психической заразы, возглавляют массовые движения, придавая им разрушительную, дионисическую направленность...

Лишь мышление избранных (аполлонических) натур, будучи чистым выражением лучистой энергии Космоса, способно придать позитивную смысловую направленность всемирно-историческому процессу, но, в силу своего подлинно космического разума и из-за своей принципиальной асоциальности, это мышление отторгается массами и их вождями,

а его носители преследуются и истребляются...»

Диссертацию-то в тот раз спас директор Археологического института, занимавшийся в основном геральдикой и историей, член-корреспондент Академии наук С. Ф. Платонов, принявший достойное и разумное решение. К счастью, архивы АН сохранили его мудрые и честные слова:

«Господа! Мы имеем дело с аномальным явлением. Оценить его мы не можем – нашей эрудиции не хватает. Мы видим, что проделана большая фундаментальная работа. Поэтому, чтобы потомки не обвинили нас в том, что мы прошли мимо великого открытия, присудим искомую степень».

Диссертацию-то спас... Самого Чижевского впоследствии спасали и Семашко, и Луначарский, и Водопьянов, и жена, и даже не растерявшие совесть и разум следователи, и солдагерники, и другие аполлонические личности. Но... «преследуются и истребляются...»

Знал Александр Леонидович, на что шёл, знал...

Снимите шляпы, господа...

*И вновь и вновь взошли на солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.*

*И вал морской вскипал от колебаний,
И норд сверкал и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний*

Фанатики, герои, палачи.

*И жизни лик подернулся гримасой;
Метался компас – буйствовал народ,
И над землёй и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход*

А. Чижевский

1921

Глава 5. Аэроионы из Калуги.

По-настоящему на острые сюжеты, крутые повороты и тёмные пятна судьба Александра Чижевского вышла, пожалуй, с приглашением академика П. П. Лазарева к нему на работу в институт биофизики в начале 1919 года.

Но, прежде всего, личность Петра Петровича: блестящий ум, лоск столичной элиты, манеры приличного лорда, любимец женщин, завсегдатай модных европейских курортов...

Все эти «ах!», впрочем, ничуть не мешали, а скорее, наоборот, двигали его на острие науки. На самое, что ни на есть, острие. Партия большевиков, зомбированная вождями и их хозяевами на господство пролетариата во всём мире, поставила перед академиком П. П. Лазаревым задачу прямой регистрации электромагнитных излучений мозга. Ни больше, ни меньше. То есть научиться улавливать во внешнем пространстве человеческие мысли в виде электромагнитной волны. Разумеется, с последующим контролем и влиянием...

Вновь испеченный доктор Чижевский необычайно вдохновлён вниманием маститого учёного. В его сохранившихся письмах к домашним, а также к К. Э. Циолковскому вполне просматривается честолюбивое желание молодого профессора во всём походить на П. П. Лазарева.

С большим энтузиазмом и прицелом на будущие эпохаль-

ные открытия он между делом заканчивает ещё сразу два факультета МГУ – физико-математический и медицинский. Столь блестящее образование, организованный ум, феноменальная память и здоровое честолюбие на самом деле сулили ему мировые открытия, честь и славу для России...

Потомственный дворянин Чижевский элегантностью манер и одеждой не уступал своему кумиру, а в чём-то даже его превосходил: он умел писать проникновенные стихи, рисовать завораживающие пейзажи, а при случае вполне мог впечатлить публику и изящным музицированием на скрипке или фортепьяно.

Осмелимся предположить, что в какие-то моменты П. П. Лазарев испытывал... нет, не зависть, скорее ревность...

Поэтому, когда ему доложили, что Александр Чижевский оказывает знаки особого внимания очаровательной лаборантке Марии с умными, но всегда грустными глазами, настроение академика значительно улучшилось... Да оно и понятно: петух в курятнике должен быть один. Во избежание...

Странное дело: в суровые 20-е годы, когда вся страна голодала, ни институт биофизики в Москве (П. П. Лазарев), ни институт мозга в Петербурге (В. М. Бехтерев) не испытывали недостатка ни в средствах, ни в специалистах...

В конце холодного дождливого ноября 1920 года нарочные Народного комиссариата иностранных дел лично в руки академика Лазарева и академика Бехтерева доставили ин-

формационное письмо, прочтение которого повергло обоих в долгое, тревожное размышление...

Смысл письма сводился к тому, что практически все развитые страны Европы и Америки в спешном порядке создают институты и лаборатории с целью непосредственной приборной регистрации предполагаемых мозговых излучений человека, с возможностью последующей их корректировки и телепатии.

Потом все эти премудрости назовут психотронным оружием...

Это в институте он был профессор, хотя и двадцати четырех лет от роду, а здесь, на заснеженных аллеях Сокольников, он однажды настоял, чтобы она называла его по-домашнему – Шура... От Маши и без того веяло чем-то уютным, тёплым...

Его старший калужский друг и учитель К. Э. Циолковский, прочитав в одном из стихотворений Александра летом 1921 года: «...Лишь на листе, где численные тайны, пылает смысл огнём необычайным», – молодецки воскликнул: «Помилуйте, голубчик! Со всем соглашусь, кроме слова “лишь”. Что за безысходность! А как же музыка?! Нам без музыки никак нельзя! Это поначалу любовь мозги туманит, а потом уж точно делает их яснее и могучее!»

Маша находила его стихи многозначительными, часто слишком восторженными, нередко излишне печальными, в

общем, заумными и не для простого народа. Он про себя отмечал: «А вот Брюсову, Волошину и Алексею Толстому – нравятся...»

Взращённая с детства привычка всё систематизировать и анализировать не оставляла его и во время их прогулок с Машей. Она не обижалась, когда он уходил в себя и не спешил оттуда возвращаться. Для сотрудников их института это было нормой поведения...

Есть основания утверждать, что не об их с Машей отношениях думал всё время молодой профессор. Мощь его интеллекта была причиной Машинной робости. Ну, не было в её привычках брать быка за рога... А так бы, глядишь, и состоялась бы семья, и потомки бы появились...

Между тем многочисленные опыты с ионизированным кислородом, проводимые келейно в калужском доме отца с благословения К. Э. Циолковского, обрели теоретическую законченность, сформировались терминологически и материализовались в нехитром приборе, названном Чижевским аэроионизатором. Совершенно верно, это и есть знаменитая люстра Чижевского, на фальсификациях которой предприимчивые люди делают теперь повсеместно неразборчивый бизнес.

Отрицательные ионы кислорода воздуха, с потрескиванием стекающие с многочисленных иголок на металлическом колесе, оказалось, делали воздух витаминизированным. Вот почему воздух над морским прибором, чистый лес-

ной, а также горный особенно целебен – в нём полно лёгких отрицательных ионов...

С такой доморощенной экспериментальной аппаратурой Чижевский перешёл к широким опытам по изучению влияния лёгких отрицательных аэроионов на растения, животных и человека. Обобщение результатов позволяло говорить об эффективности витаминизированного воздуха в птицеводстве, санитарной гигиене, курортологии иммунологии, терапии туберкулёза, астмы, гипертонии, а также болезней крови и нервной системы.

Полученными результатами Чижевский, как всегда, спешил поделиться с коллегами, в том числе и за границей. Отклики пришли практически мгновенно...

Один поначалу просто обескуражил: знаменитый швед Сванте Аррениус, мировая знаменитость, лауреат Нобелевской премии имеет честь пригласить господина профессора А. Л. Чижевского в Стокгольм для проведения совместных исследований...

Вдумайся читатель: премудрый Аррениус прочитал всего одну статью Чижевского, понял, о чём речь, и поспешил раскрыть объятия...

В отечестве же нашем с той поры и по сей день десятки статей и целые монографии Чижевского существуют только в рукописях и ни разу не опубликовывались. И это в лучшем случае, в худшем же и вовсе утрачены или уничтожены...

Не мудрено, что Александр Леонидович с большим энту-

зиязмом засоби́рался в Швецию поработать всласть во имя науки, во имя России...

Процедура оформления заграничных командировок в ту пору мало чем отличалась от таковой в советские времена. Среди прочих проволочек нужны были весомые характеристики-рекомендации. А. В. Луначарский, нарком просвещения, а также Максим Горький с радостью согласились. Осталось неизвестным, что говорил Максим Горький В. И. Ленину, представляя и характеризую Чижевского, а вот в узком кругу великий пролетарский писатель, знающий жизнь не понаслышке, якобы пробасил:

«Ни секунды не сомневаюсь, что сей русский дворянин славного рода жаждет послужить России...»

Уже был получен пропуск и обмундирование, как вдруг за Чижевским в пять утра притарахел на вонючем мотоцикле с коляской нарочный из Наркомата иностранных дел, и милейший, но сильно раздосадованный на тот момент нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин, коротко изрёк:

«Александр Леонидович! Ваша командировка за границу в настоящее время состояться не может...»

Чижевский от неожиданности только и спросил: «А продукты, а вещи?..»

«Да бог с вами! Пользуйтесь на здоровье...» – аудиенция была закончена.

Может, большевики засомневались, какой России хочет

послужить сей странный господин, может, имели на него какие-то особые виды, может, какой сексот-доброжелатель из зависти наступал – Чижевский был в полном неведении...

А всё было гораздо проще...

Полунеистовый, полупролетарский поэт Бальмонт революцию 1917 года принял с жаром. Вирши его об ту пору проstackи захлёбывались от изнемогающей любви к ней. Таких, как он, Маяковский, тот же Горький большевики охотно посылали за границу с целью пропаганды и агитации, победы мировой революции ради...

Стервец-Бальмонт подвёл. Едва успев пересечь советско-эстонскую границу, он, ничтоже сумняшеся, собрал немалый митинг и сочным, отнюдь небесталанным языком опростал на большевиков не один ушат накопленной грязи. Большевики нахохлились и на всю свою гнилую интеллигенцию шибко и надолго разобиделись...

А. В. Луначарский по-дружески, спустя какое-то время, проинформировал об этом растерянного Чижевского. А в качестве утешительного бонуса поведал заодно свежую байку про Маяковского. Нет-нет, этот горлан-главарь был свой в доску и выезжал из России беспрепятственно. Только вот однажды, выступая на людях где-то в Штатах, всё время поддёргивал штаны. Одна очарованная, но бдительная слушательница возьми да и скажи:

«Господин поэт, что вы всё время брюки-то подтягиваете, как-то это неприлично...»

Великий посланец великой России за словом в карман никогда не лез.

«А что, – сказал он, глядя леди в глаза, – по-вашему, будет приличней, если они вообще спадут?»

Поскольку все дела в преддверии командировки были закруглены, опущенному с небес солнцепоклоннику теперь было время подумать о делах земных, о судьбах человеческих и о своём месте в этой суете...

Всё тот же мудрый А. В. Луначарский предложил ему какое-то время побыть дома, и, спустя пару дней, Чижевский уже осматривал пейзажи из окна калужского поезда, имея в кармане ни к чему не обязывающий мандат литературного консультанта Наркомпроса.

*Всевластный лик, глядящий с вышины!
Настанет ночь – и взор летит из бездны,
И наши сны, влелеянные сны
Пронизывают знанием надзвездным.*

*Следи за ним среди тьмы и тишины,
Когда сей взор бесстрастный и бесслезный
Миры, как дар, принять в себя должны
И слиться с ним в гармонии железной.*

*И лик глядит, о тварях не скорбя.
Над ним бегут в громах века и воды...
Над черствым равнодушием природы
Невыносимо осознать себя!*

*Лишь на листе, где численные тайны
Пылает смысл огнем необычайным.*

А. Чижевский

1921 г.

Глава 6. «...Лицо полубога выступало за маскою фавна...»

Атмосфера пыльного и по-сельски сонного предместья Варшавы, где была прежде расквартирована артиллерийская бригада отца, весьма располагала к запойному чтению и салонному музицированию.

Благоприобретенная же тяга к разного рода изыскам, вздобрённая природной любознательностью пятнадцатилетнего Шуры Чижевского, никакого сколь-нибудь ощутимого развития не получала, ибо простор для изысканий ограничивался семейной библиотекой да редкими изданиями по рассылке.

Поэтому известие о передислокации бригады в Калугу было принято юношей с большим воодушевлением, душевным трепетом и мечтательными надеждами...

Что же это такое – «Калуга?» Конечно, это – Родина ближайших предков: брянщина-смоленщина-орловщина... Это – милые сердцу пейзажи центра России, их писать не переписать... Это – вёрст двести от Москвы, а там – большая наука, архивы, профессура... Там – Баратынский, Фет, Тютчев...

И там Пушкин! Прочитанная в детстве «Сказка о царе Салтане» впервые оставила в памяти необычайную простоту

и изящество слога. В очарованном детском мозгу сами собой представляли сказочные картинки, а персонажи пушкинские просто, кажется, виделись и осязались воочию.

Зачем-то вспомнились бабушкины слова, что в Польше Пушкина не особенно любят...

И уже в дороге всё та же бабушка обмолвилась, что, оказывается, в тридцати верстах от Калуги, куда они направляются, посёлок Полотняный завод, имение Гончаровых, откуда родом пушкинская Мадонна – Наталья Гончарова и куда поэт неоднократно наведывался.

Засыпая в тряском вагоне, насквозь пропахшем угольной пылью, Шура не сомневался: уж теперь-то он докопается до всех интриговавших его тайн Пушкина – друзья, враги, Натали, царь, женщины, дуэль, рана, смерть...

Судьба, как всегда, внесла свои коррективы: так получилось, что кандидатскую диссертацию он в своё время защитил по теме: «Русская лирика 18 века». Богатые фонды Румянцевской библиотеки, конечно, попутно раскрыли ему кое-что из пушкинских тайн... А потом и вовсе наука увела в сторону от поэзии...

И только теперь, после несостоявшейся командировки в Швецию к Сванте Аррениусу и вынужденной паузе в работе, судьба подарила ему шанс вернуться к волнующим и малопонятным событиям, связанным с великим поэтом и его полотняно-заводской Музой.

Однако сейчас у двадцатичетырёхлетнего профессора,

поэта, историка и врача имелось гораздо больше вопросов, чем у пятнадцатилетнего юноши, очарованного волшебными стихами «любимца муз».

Ему интуитивно хотелось докопаться до всех роковых истоков, в тридцать восемь лет оборвавших жизнь «первого поэта России». Мандат литературного консультанта Наркомпроса, как будто специально именно сейчас выданный ему наркомом просвещения А. В. Луначарским, несомненно, давал для этого необходимый *carte blanche*.

В 1921 году правительство большевиков среди прочих национализировало и имение Гончаровых Полотняный завод. Порядком подрастающий дворец, окружённый дивным парком и прудами с лебедями, превращался в дом отдыха пролетариата.

Александр Чижевский имел устное поручение А. В. Луначарского проследить за сохранностью родовых архивов Гончаровых. В 1922 году они из имения были вывезены в Губернский архив Калуги, а в 1923 году все бумаги, так или иначе связанные с Пушкиным, были истребованы в Москву. В эти годы пролетариат сориентировался и начал тащить раритеты направо и налево, дабы потом выгодно их продавать всё тому же правительству.

Правда, это уже без Чижевского. С 1927 года все уцелевшие бумаги из Полотняного завода хранятся в Москве в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Можно было бы озаботиться вопросами: «А зачем ему

это?», «А что он хотел обнаружить?», «До чего докапывался», «Может какие аналогии искал?» и прочее.

А потом подумалось: ну, это же Пушкин! Ведь до сих пор пушкинисты спорят о роли царя в его судьбе и о степени вины красавицы-жены, о взрывном характере «потомка Ганнибалов» и о нравах тогдашнего социума в России вообще...

Пусть же это *essai*, этот скромный прозаический этюд, увиденный глазами молодого Чижевского, такого же, как и Пушкин, потомственного патриота России, дополненный современными исследованиями и находками, поможет и нам ещё раз соприкоснуться с судьбой великого поэта...

В лицей Царского Села Пушкин, скорее всего, попал по протекции... Набирали всего тридцать человек, и если бы не дядя, известный поэт Василий Львович Пушкин, лично знакомый с основателем лицея министром Сперанским, не факт, что биография поэта началась бы столь удачно.

Учились лицеисты бурно и весело, шлодили по случаю регулярно...

В первом выпуске 1817 года гений оказался по успеваемости 26-м из 29-ти выпускников. По российской и французской словесности, правда, а также по фехтованию имел «превосходно».

Надзиратель Фролов как-то (5 сентября 1814 года) поймал Малиновского, Пущина и Пушкина, когда они, запасшись кипятком, мелким сахаром, сырыми яйцами и ромом,

«из резвости и детского любопытства составляли напиток под названием гогель-могель, который уже начинали пробовать». За что были наказаны «в течение двух дней во время молитв стоянием на коленях». Маловероятно, что исполнили: нравы и дисциплина в Лицее оставляли желать лучшего...

Товарищ по Лицею Пущин вспоминал: «Пушкин с самого начала был раздражительнее многих и поэтому не возбуждал общей симпатии».

На выпускном экзамене Державин хотел обнять Пушкина, но тот убежал «вследствие юношеской конфузливости».

С четырнадцати лет Пушкин начал посещать публичные дома и в продолжение всей жизни был весьма любвеобилен. И это было феноменально: по словам его брата, Пушкин «был собою дурён, ростом мал, но женщинам почему-то нравился».

По свидетельствам многих очевидцев, когда его кто-то интересовал, он был неотразим и, наоборот, когда ему было неинтересно, делался просто несносным...

Громкий раскатистый смех помогал быстро делить на симпатизирующих и не очень.

«Какой Пушкин счастливец! Так смеётся, что словно кишки видны!» – говорил хорошо его знающий и симпатизирующий художник Карл Брюллов.

Соображал мгновенно и точно, как шахматный гроссмейстер... В малознакомой компании отроки с известными фа-

миллиями решили однажды его оконфузить и томно, с грассированием изрекли:

«Mille pardon... Не имея чести вас знать, но, видя в вас образованного человека, позволяем себе обратиться к вам за маленьким разъяснением. Не будете ли вы столь любезны сказать нам, как правильно выразиться: “Эй, человек, подай стакан воды!” или “Эй, человек, принеси стакан воды!”»

Пушкин живо понял намерения шалопаев и, совсем не смутившись, с умным видом ответил:

«Мне кажется, вы можете выразиться прямо: “Эй, человек, гони нас на водопой!”»

И то правда: друзья и враги такими манерами приобретаются несколько быстрее...

А своими эпиграммами он умудрился обидеть даже своего приятеля по Лицею безобидного Кюхельбекера... Тот вызвал его на дуэль, стрелялись, но остались невидимы, так как пистолеты друзья зарядили... клюквой.

Вообще, по подсчётам пушкинистов, дуэль с Дантесом была, как минимум, двадцать первой. В пятнадцати случаях он был инициатором, шесть раз вызывали его. Другьям удавалось примирение до поры...

«Неуимчивый», – называла его няня Арина Родионовна.

В литературной среде Пушкин оказался таким же привередником, который с лицейской скамьи привык жить в тесном кругу друзей, относясь к остальному пёстроу миру не всегда справедливо, чаще с предубеждением, иногда даже с

презрением...

«Слишком рано полюбил рукоплесканья», – самокритично писал он о себе.

Вообще говоря, как заметил один из его биографов, то были черты характерные и красноречивые, «объясняющие многое в жизни поэта: с одной стороны самовозвеличивание и презрение к толпе, а с другой – искания популярности всё у той же толпы».

В январе 1923 года в Петербурге в Военной типографии штаба РККА тиражом всего четыре тысячи экземпляров вышла достаточно объективная по тем временам книга П. К. Губера «Дон-Жуанский список Пушкина: главы из биографии». Вдумаемся в слова кропотливого и проницательного исследователя:

«От природы Пушкин был человек вполне здоровый, с огромным запасом энергии и жизненных сил. “Великолепная натура”, – сказал знаменитый хирург Арендт, пользовавшийся смертельно раненного поэта. Единственным признаком, говорившем о некотором нарушении идеального физиологического равновесия в этой “великолепной натуре” была необыкновенно быстрая чувственность и нервная возбудимость...

...О повышенной эротической чуткости и отзывчивости Пушкина единогласно говорят все отзывы современников.

“В лицее он превосходил всех чувствительностью, а после в свете предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи

в непрерывной цепи оргий и вакханалий. Должно дивиться, как и здоровье, и талант его выдержали такой образ жизни, с которым, естественно, сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его часто на край могилы.

Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственным страстям и поэзия, и в обеих он ушёл далеко”. (лицеист М. Л. Яковлев)

Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарён значительно выше среднего человеческого уровня. Он был гениален в любви, быть может, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к внешней женской красоте всем бросалась в глаза. Но одни видели только низшую, полужвериную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маскою фавна. Нужно ли добавлять, что эти последние наблюдатели были гораздо ближе к подлинной правде».

Чувствуется непричёсанное пока идеологией мнение...

Чего не скажешь о портретах и скульптурах...

«Лицом настоящая обезьяна», – характеризовал он сам себя в юношеском французском стихотворении «Mon portrait». А имевшие место залысины, равно как и некоторая округлость в талии, очарованными художниками тоже, как правило, старательно ретушируются.

То же желание «причесать» под канонический образ чув-

ствуется и в отношении родословной поэта. «...Родился во владении отца моего в городе Лагоне», – обозначено в сохранившейся записке в сенат самого «арапа» Абрама Петровича. Анненков и Бартенев пушкинского прадеда именуют просто «негром»...

Город Лагона – это территория современной Эритреи, место компактного проживания эфиопских евреев «фалаша». За последние двести лет не все они перешли в христианство или перебрались в Израиль. Так что вполне вероятно, что прадед Пушкина был по своему происхождению фалаша, то есть эфиопским евреем.

По сути дела, это не так уж и важно, если принять во внимание, что вся абиссинская знать вообще ведёт свой род от иудейского царя Соломона и эфиопской царицы Савской. Но исследований на этот счёт, как ни странно, маловато. «Арап», и всё тут...

Летом 1817 года Пушкин окончил Лицей, который по статусу приравнен был к университету, записался на службу в Коллегию иностранных дел и прибыл, наконец, в вожделенный Петербург. Как бы вознаграждая себя за лицейскую скуку, он с головой погрузился в водоворот столичных развлечений.

«Сверчок прыгает по бульвару и по блядям», – писал А. И. Тургенев князю П. Л. Вяземскому.

«Венера пригвоздила его к постели... и пришлось ему опять за поэму приниматься», – скорее радуется, чем огор-

чается в ответ Вяземский...

Так отдыхать и предаваться серьёзному литературному творчеству лишь во время болезни поэт продолжает до 1820 года.

Директор Лицея Энгельгардт, следивший за успехами своих питомцев, неоднократно отмечал:

«Пушкин ничего не делает в Коллегии, он там даже не показывается...»

Дело дошло до того, что Александр Первый упрекает директора Лицея, что его бывший воспитанник «наводнил Россию возмутительными стихами».

Император даже приказал генерал-губернатору Милорадовичу арестовать поэта и раздумывал, куда бы подальше сослать смутьяна – в Сибирь или на Соловки... Лишь заступничество Карамзина, Жуковского, Чаадаева, а также тех же Милорадовича и Энгельгардта спасло Пушкина от ссылки в холодные края. Царь уступил, отправив поэта в ссылку в края тёплые.

Уже в середине мая 1820 года Пушкин прибыл в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) под начало генерала Инзова.

Затем покровительство и покрывательство милейшего Инзова продолжалось и в Кишинёве, где генералу пришлось даже улаживать громкий скандал с вызовом Пушкина на дуэль. В числе прочих поэт совратил жену местного богатея красавицу-цыганку Людмилу-Шекору...

Генерал посадил Пушкина на десять суток на гауптвахту,

куда приходил к нему с шампанским и мадерой и где с большим удовольствием слушал его фривольные стихи.

По признанию самого поэта в Кишинёве он большей частью сочинял «рифмованную матерщину», которую всегда «уважал», считая её «истинным проявлением души русской».

В Кишинёве поэту вскорости сделалось душно и тесно, и он запросился по тому же ведомству в Одессу.

«Зачем он меня оставил? – грустно говаривал Инзов. – ... с Воронцовым, право, несдобровать ему...»

Старый генерал знал, что говорил...

Экстравагантный молодой человек к службе не радел, зато навязчиво ухаживал за чужими жёнами, дразня при этом их мужей оскорбительными эпиграммами. Ему безропотно давали в долг... Уж не боясь ли этих эпиграмм?..

Само собой разумеется, Пушкин положил глаз и на жену генерал-губернатора красавицу Елизавету Ксаверьевну Воронцову, урождённую Бранницкую. Её мать, Александра Васильевна, была любимой племянницей и наследницей светлейшего князя Потёмкина. На её деньги был в своё время создан фонд Бранницкой, крепко поддерживавший многие благие начинания в России, в том числе институты благородных девиц.

Желая удалить Пушкина подальше от супруги, Воронцов отправил его в командировку в Херсон на борьбу с саранчой. Через полторы недели, истратив более ста рублей казённых

денег, поэт разразился докладом о доблестной войне с прожорливыми насекомыми:

*«Саранча летела, летела,
И села,
Сидела, сидела, всё съела
И вновь улетела...»*

«Избавьте меня от Пушкина, – взмолился новороссийский генерал-губернатор Михаил Семёнович Воронцов. – Это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишинёве.

...Собственные интересы молодого человека, не лишённого дарований, недостатки которого происходят скорее от ума, чем от сердца, заставляют меня желать его удаления из Одессы».

...В прохладной пещере на берегу моря был их последний «приют любви». На память графиня подарила ему сердоликовый перстень с древнееврейской надписью, оставив себе точно такой же... Пушкин с ним не расставался... После дуэли с его холодной, мёртвой руки перстень снял Жуковский...

А ровно девять месяцев спустя после жарких свиданий в прохладном «приюте любви» графиня Воронцова родила дочь Софью. От остальных светлокожих и светловолосых Воронцовых девочка отличалась смуглостью и живостью натуры...

Странно... Поэт обычно не щадил своих бывших любовниц, мог и обидеть злым словом... Бравада перед друзьями о своих сердечных победах были для него обычным делом.

Но ни разу, никогда и никому не выдал он своих чувств к Элизе, ни малейшим намёком не опорочил и не предал её чувств...

По получении от Воронцова одного послания от 14 мая 1824 года министр иностранных дел граф Карл Нессельроде, разумеется, не преминул доложить об этом царю.

Император, по-видимому, ещё не успел забыть столичные похождения упомянутого в послании ловеласа и его возмутительные стихи...

«За дурное поведение» высочайшим распоряжением поэт был уволен со службы и сослан в Псковскую губернию под домашний арест.

Почти два года, что поэт провёл в Михайловском, были весьма и весьма продуктивными.

В сентябре 1826 года новый император Николай Первый, сам большой охотник до женщин, поэта из ссылки вернул, мало того, взял под своё покровительство.

«Я только что разговаривал с самым умным человеком России», – сообщил новый император после их первой беседы с глазу на глаз, продолжавшейся довольно долго.

«Принял бы ты участие в событиях четырнадцатого декабря, если бы был в Петербурге?» – прямо спросил царь.

Ответ тоже был откровенным:

«...Непременно, государь. Все друзья мои были в заговоре, и я не мог не участвовать в нём. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога!»

Николай Первый был неглупый человек и всё правильно понял. Никаким революционером, конечно, Пушкин не был, но, увлекшись, вполне мог за компанию оказаться в мятеже. Не исключено, что друзья намеренно уберегли его от эшафота...

Тот памятный разговор с царём закончился словом поэта не участвовать ни в каких заговорах.

Когда пришла пора, и Пушкин посватался к Наталье Николаевне Гончаровой, мать невесты не на шутку запаниковала: как же, жених-то опальный...

«Он всё-таки порядочный шалопай», – передавали ей слова Бенкендорфа.

«Буйный шалун», – выбирал слова великий Карамзин.

Целых два года раздумывала мать Натали, стоит ли ей становиться тёщей эдакому жениху. Правда, он приданого вообще не требовал...

Добрый император поручил передать ей, что не под гневом его находится Пушкин, а под отеческим попечением...

Время и последующие события покажут, что поэт в целом держал своё слово, поэтому между ним и императором установились вполне взаимоуважительные отношения.

Император Николай Первый, в отличие от своего предшественника Александра Первого, отнюдь не был деспотом и

кровопийцей. Он покровительствовал многим писателям, поэтам и деятелям искусств, и они платили ему тем же.

Тут дело в другом. В силу своей всегдашней государственной загруженности император, разумеется, не мог уделять Пушкину много внимания. Для таких дел был назначен посредник, начальник третьего (жандармского) отделения царской канцелярии Александр Бенкендорф. А у того были свои взгляды на свободу слова и прочие вольности.

Вот и получилось, что «жалует царь, да не жалует псарь». Не без ведома Бенкендорфа императору сыпались доносы и «подмётные письма» на Пушкина. Надо отдать должное царю, не верил он им...

Распечатывание писем и прочие аналогичные «шалости» Пушкин целиком относил на счёт цензоров-церберов из ведомства Бенкендорфа, но никак не царя...

«...Не он виноват в свинстве, его окружающем», – пишет Пушкин друзьям.

«...Живя в нужнике, поневоле привыкаешь к его вони, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы удрать на чистый воздух!»

Примечательно, что чуть позже аналогичной была реакция и обычно уравновешенного Льва Толстого на полицейский обыск в Ясной Поляне в 1862 году.

«Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имение, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперёд, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не вы-

секут, я уеду...»

«Попрание личной независимости творческих личностей, видимо, возмущало больше всего...» – мнение молодого Чижевского, конечно, было субъективным...

Через двадцать лет новая власть даст ему почувствовать это в полной мере...

*Мне бой знаком – люблю я звук мечей:
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.*

А. С. Пушкин

Глава 7. «...Была прекрасна – виновата, значит...»

А осенью 1826 года только что прощённый Пушкин из своей ссылки в Михайловском попадает «с корабля на бал» в Москву. В разгаре торжества по случаю коронации... Глаза разбегаются от обилия красавиц в роскошных нарядах. Куда там крепостным девкам!

При встречах с женщинами Пушкин мгновенно загорался, но так же быстро и погасал. Несколько раз его непомерная чувственность брала верх над разумом и, желая обладать очередной прелестницей, он готов был делать предложение. Господь берёт до поры...

Очередным вихрем налетела на него очередная любовь к красивой шестнадцатилетней девушке с крепким, манящим телом.

Боясь упустить такой роскошный экземпляр, он спешит предложить ей руку и сердце.

Друзья, которые помудрее, резонно считали, что и на этот раз решение приняло его «либидо». Он ведь готов был сойти с ума, если женщина оставалась недоступной.

Слов нет, о шестнадцатилетней Наташе Гончаровой в московских салонах сразу заговорили с момента её первого появления там в 1828 году, как о первой красавице Москвы.

А то: сто семьдесят семь сантиметров росту, идеально развитые плечи, грудь и бёдра, уникально тонкая талия, чарующая шея и впечатляюще страдальческий лоб. И даже лёгкое косоглазие Натали вполне сходило за изюминку.

«Наташа была действительно прекрасна», – вспоминает её подруга Н. М. Еропкина.

«...Ещё девочкой (она) отличалась редкою красотой... Воспитание в деревне на свежем воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое её движение было преисполнено грации. Глаза добрые, весёлые, с подзадоривающим огоньком из-под бархатных ресниц. Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо её воли, покоряли всех... Место первой красавицы Москвы осталось за нею...»

Тридцать вёрст булыжной, белого камня дороги Медынь-Калуга, казалось, вытрясали саму душу... А иначе – непролазная грязь. И то, спасибо тутошнему Пятовскому карьеру...

Было заметно, что усадьба Гончаровых и сами бумагоделательные цеха знавали лучшие времена. Не ускользнули от опытного глаза потомственного дворянина Чижевского и архитектурные и ландшафтные изыски известных зодчих. Чарующий вид на излучину совсем уж русской реки Суходрев

даже заставил его замереть...

Много лет спустя этот пейзаж ляжет на одно из его полотен, да только водовороты судьбы смоют его в неизвестность...

Наташа была любимицей деда Афанасия, владельца имения, поэтому куклы, платица и шляпки для неё выписывались исключительно из Парижа. Впрочем, не это, пожалуй, стало причиной разорения, а беспробудное дедово мотовство.

Поэтому Ташино девичество пришлось на пору задёрганности матери, управлявшей полуразорённым имением, ушибленного на голову отца и того же деда, норотившего при случае поддержать репутацию известного мота.

Девуцы Гончаровы рьяно готовились строгой матушкой во фрейлины императрицы. Так бы оно, скорее всего, и стало, не попадись Наташа на глаза Пушкину. Жгучее желание обладать такой красотой, как и следовало ожидать, и привело к предложению руки и сердца.

Он понимал, что ему нечем увлечь и заинтересовать её, было очевидно, что она к нему равнодушна.

«Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вышей дочери», – писал он будущей теще.

«...Я могу надеяться со временем привязать её к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться. Если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом толь-

ко свидетельство спокойного равнодушия её сердца. Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего её удивления, поклонения, искушений?

... Не явится ли у неё сожаление? Не будет ли она смотреть на меня как на препятствие, как на человека, обманом её захватившего? Не почувствует ли она отвращение ко мне?»

Как в воду глядел...

Венчание Пушкина и Натали в московском храме Вознесения Господня у Никитских ворот происходило нервно, с падением колец, погасшими свечами и прочими суеверными знаками...

По свидетельству близких друзей, разочарование у молодого мужа имело место быть уже после первых брачных ночей. Но что характерно: холодность, если не сказать фригидность, Натали вовсе не охладили страсть Пушкина, что для «арапова правнука», само по себе, удивительно.

«Я женат и счастлив... Одно желание моё, чтобы ничего в жизни не изменилось – лучшего не дождусь... Не можешь вообразить, какая тоска без тебя... Жена моя, прелесть...», – из писем Пушкина той поры.

А дальше блеск высшего общества, бесконечные балы в перерывах между родами, унижительный для тридцати лет мундир камер-юнкера и нескончаемый флирт Натали со вся и всеми, от царя до офицера...

«Что в высшем Лондонском кругу зовётся vulgar...»

До сих пор остаётся тайной, что же так связывало «краса-

вицу и чудовище»?!)

В 1929 году Марина Цветаева после долгих размышлений обнародовала свою точку зрения:

«Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место. Как Елена Троянская повод, а не причина Троянской войны... так и Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной.

Судьба выбрала самое простое, самое невинное орудие: красавицу...

...Тяга Пушкина к Гончаровой, которую он сам, может быть, почёл бы за навязчивое сладострастие и достоверно («огончарован») считал за чары – тяга гения – переполненности – к пустому месту. Чтобы было куда.

Были же рядом с Пушкиным другие, недаром взял эту! (Знал, что брал).

Он хотел нуль, ибо сам был – всё! И ещё он хотел того всего, в котором он сам был нуль. Не пара – Россет, не пара – Раевская, не пара – Керн, только Гончарова пара. Пушкину ум Россет и любовь к нему Керн не нужны были, он хотел первого и недостижимого. Женитьба его так же гениальна, как его жизнь и смерть».

Марина Ивановна не любила Наталью Гончарову, но это мнение очень талантливого человека, к тому же из мира поэзии...

За шесть лет до неё упомянутый уже П. К. Губер в «Дон-Жуанском списке Пушкина» вполне с ней солидарен:

«Он забыл, – делает вывод П. К. Губер, – что с успехом играть роль на великосветской сцене может только женщина, обладающая живым разносторонним и восприимчивым умом. Но, как нарочно, именно ума не получила в дар от щедрой во всех прочих отношениях природы простодушная Натали.

Далее случилось то, что и должно было случиться. В домашней повседневной жизни ангел явился капризным, взбалмошным, требовательным, суетным, вздорным существом. В наиболее трудных и рискованных положениях, во всех тех случаях, когда недостаточной оказывалась обычная светская дрессировка, усвоенная с детства, и нужна была собственная находчивость, собственное чувство такта, Наталья Николаевна не умела себя держать и делала один ложный шаг за другим. Она кокетничала с государем, потом с Дантесом...

Прококетничала жизнь своего гениального мужа...»

«Не кокетничай с царём», – особенно обеспокоенно предупреждал Пушкин «жёнку» в письме 11 мая 1833 года. Всеобщую моду того времени на лёгкий флирт со вся и всеми Пушкин предотвратить, разумеется, не мог. Но вот последствия «царского» флирта с его неограниченными возможностями и ресурсами на фоне наивного тщеславия своей «козой Мадонны» его откровенно бесили.

Пушкин не допускал мысли, что Натали изменила ему с Дантесом. И сам волокита об этом определённо писал своему приёмному отцу (и любовнику) барону Геккерну.

Да вот беда, по собственному опыту Пушкин знал, что, во-первых, за женщиной можно волочиться хладнокровно и цинично без тени уважения к ней, а, во-вторых, сводила с ума роль обманутого мужа. Он же сам и надсмехался над Ризничем, Воронцовым, Керн и другими после того, как не без удовольствия ставил им рога...

Представить себя в такой роли было выше его сил...

«Люди физиологически страстные и наделённые к тому же живым пластическим воображением бывают по большей части очень ревнивы. Исключительно ревнивым нравом обладал и Пушкин, – приходит к выводу П. К. Губер. – ...Вся история семейной жизни Пушкина есть, в сущности, длинная агония вечно возбуждённой и мнительной ревности, которая под конец и привела к кровавому исходу».

Сестра поэта О. С. Павлицева в письмах к мужу вполне определённо описала состояние Пушкина в начале тридцатых годов:

«Брат говорил мне, что иногда чувствует себя самым несчастным существом близким к сумасшествию, когда видит свою жену, разговаривающей и танцующей на балах с красивыми, молодыми людьми, уже одно прикосновение чужих мужских рук к её руке причиняет ему приливы крови к голове...»

«Сбылись, выходит, наихудшие опасения поэта», – подумал Александр Леонидович, просматривая эти документы.

«И Анна Ахматова права, когда конкретно объявила жену поэта «сообщницей Геккернов в преддуэльной истории».

Роли мужа первой красавицы и жены первого гения обоим оказались не по силам...

Немного позже Александру Леонидовичу попались на глаза слова М. Ю. Лермонтова о Наталье Николаевне. Накануне своего отъезда на Кавказ в апреле 1841 года (последний год жизни!) Михаил Юрьевич встретился с Натальей Николаевной в доме Карамзиных.

«Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, – честно признался он, – готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть её обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаёшь, чтобы унести с собою вечный упрёк в близорукости...»

Честные, очень сильные, прощальные слова...

Нет, заговор против Пушкина с участием царя как-то не складывается... Прохвост Бенкендорф, конечно, мог из личных антипатий послать жандармов «предотвратить» дуэль не на ту дорогу...

А вот участие царя в крестинах дочери Натальи Нико-

лаевны и Ланского Александрины, щедрые милости вдове, неожиданная для всех блестящая карьера Ланского, второго её мужа, а также нескрываемый восторг императора по поводу возвращения Натальи Николаевны в высший свет... Не тот мужчина был император Николай Павлович, чтобы первая красавица Москвы избежала его постели...

«Пусть это случилось уже после смерти поэта», – так Александр Чижевский примирил для себя факты и эмоции.

1833... 36-е годы были для Пушкина непростыми...

«Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом», – Чижевскому казалось, что Пушкин не раз, и не два думал об этом...

«Страсти крутили и трепали его душу, как вихрь лёгкую соломинку... Пушкин захлёбывается в волнах непрерывного бешенства, злобы, ревности, отчаяния. Никаких не видно выходов, зверь затравлен... впереди только одно... замаскированное самоубийство», – писал один из его приятелей Вересаев.

«Странное дело, – вдруг озарила Чижевского неожиданная догадка, когда он в очередной раз просматривал составленную им самим хронологическую канву биографии Пушкина.

В таком состоянии его творчество достигло, пожалуй,

предельной интенсивности. Он создаёт поэмы “Анджело”, “Медный всадник”, лучшую прозу: “Дубровский”, “Пиковая дама”, “Египетские ночи”, “Капитанская дочка”, десятки стихотворений... А сколько замыслов и заделов...

Он за час до дуэли решал свои издательские вопросы...

“Он только что созрел”, – с горечью скажет Баратынский.

Нет, на самоубийство никак не тянет...»

Исторические изыски Пушкина – особая грань его таланта.

За угрозу царя отлучить от архивов пошёл на небольшую попятную... «История Пугачёва» выдержана в лучших традициях российских летописцев.

Историю Петра Первого писал потому, что напрямую к ней причастен, а ещё и понимал, какая глыба...

А ещё обдумывал авантюрно-психологический роман о нравах российской оппозиции – от бандитов с большой дороги до декабристов...

А ещё хотел повесть из римской жизни с подходом к Христу...

А ещё зажигался французской революцией и многими другими историческими катаклизмами...

«Он только что созрел...»

Такое впечатление, что эпоха за ним не поспевала...

Гоголь очень точно подметил:

«Пушкин – русский человек в его развитии, в каком он

может быть явится через 200 лет».

Как там у Пифагора? «Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем». «Догадал... чёрт родиться...»

Уж не Люцифер ли крёстный отец всем преждевременным?!

«Циничное презрение к мысли и достоинству человека... отсутствие общественного мнения», – видел вокруг себя Пушкин.

«Наше современное общество столь же презренно сколь глупо», – и уж тут, пожалуй, ревность ни при чём.

И вот теперь это общество «дожёвывало» великого поэта и со злорадным любопытством ждало зрелища унижения его...

Это в какую эпоху народ обожал лицезреть казни?!

Диву даёшься, какая была кругом него безнадёга крошечная...

Исследования истории оборачивались унижительными головомойками царя и Бенкендорфа, свободный стих заставлял багроветь цензоров, издательская работа была неотрывна от бесплодных перебранок и падающего интереса «недогоняющих» читателей, выходы в свет, кроме «пожирания мороженого», неизбежно кончались клеветой и сплетнями...

«Даже семейная жизнь, – пишет один из пушкинистов Ю. М. Лотман, – столь важная для Пушкина имела свою стереотипную, застывшую изнанку, денежные затруднения, ревность, взаимное отчуждение».

Выходит, на дуэль Пушкин вышел не как некрасивый муж первой красавицы и не как камер-юнкер. Свою честь у барьера отстаивал первый поэт России!

Да, можно усмотреть в поведении Пушкина неоправданную ревность, даже невоспитанность, можно винить его жгучую кровь потомка африканских князьков...

Но при желании и доброй воле вполне возможно осязать скопившуюся до грани боль человеческого достоинства, «которое не было защищено ничем, кроме гордости и готовности умереть...»

Он завидовал Грибоедову, который «...женится на той, которую любил», и нашёл смерть в бою...

Фатальный повтор...

«...Он в лице Дантеса искал... расправы со всем светским обществом», – утверждал один из его друзей.

Чижевскому это показалось вполне справедливым.

Он победил, но какой ценой...

Для доктора Чижевского оставался ещё невыясненным медицинский аспект смертельного ранения Пушкина.

Пуля диаметром 12 миллиметров, весом 17.63 грамма, с 11 шагов...

«Смерть А. С. Пушкина наступила от проникающего слепого огнестрельного ранения живота с переломом правой седалищной и крестцовой костей, ушибом петель кишечника, осложнившегося острой (2.5 л – авт.) кровопотерей и разлитым перитонитом...»

Нет, спорить тут не о чем, и обвинять докторов нельзя...

Н. Н. Пирогов не рекомендовал тогда вскрывать брюшную полость раненному в живот.

Наркоз появился только через десять лет после гибели Пушкина, а необходимая для брюшных операций асептика – лишь спустя полвека...

На заседании Пушкинской комиссии, посвящённом столетию со дня смерти поэта в 1937 году, знаменитый хирург, профессор, будущий президент АМН СССР Н. Н. Бурденко утверждал, что «ранение Пушкина, учитывая уровень развития медицины в ту эпоху, было, несомненно, смертельным, и что в наши дни даже хирург средней руки вылечил бы его».

Точно, рано родился Александр Сергеевич...

И... странное дело: и друзья, и враги, и жандармы, и цензоры, и простой люд, и даже царь – все вдруг почувствовали в тот момент, как лежащий в гробу Пушкин из «неуимчивого» поэта превращается в славу и гордость России...

«Знать наша не знает славы русской, олицетворённой в Пушкине», – вдруг догадался А. И. Тургенев.

А его противника спасла пуговица от подштанников...

Заключение генерал-аудиториата.

«Генерал-аудиториат находит поручика барона Егора Геккерена виновным в противузаконном вызове камер-юнкера Александра Пушкина на дуэль и нанесении ему смертельной раны, к чему было поводом, что Пушкин, раздраженный поступками Геккерена, клонившимися к нарушению семейного его спокойствия и дерзким обращением с женою его, написал его отцу письмо с оскорбительными выражениями.

Хотя Геккерен не сделал точного признания, отзываясь, что обращение с женою Пушкина заключалось только в одних светских вежливостях, но таковое отрицательство не заслуживает уважения, ибо сам он, Геккерен, сознаётся, что посылал ей книги и театральные билеты и прилагал записки...

Генерал-аудиториат, соображаясь с воинским 139-м артикулом и Сводом законов тома XV статьею 352, полагает его, Геккерена, за вызов на дуэль и убийство лишить чинов и Российского дворянского достоинства, написать в рядовые с определением на службу по назначению инспекторского департамента.

Подполковник Данзас виновен в противузаконном согласии быть при дуэли секундантом и в неприятии мер к её отращению. Хотя Данзас за поступки сии... подлежал бы лишению чинов, но генерал-аудиториат... принимая во уваже-

ние немаловременную и усердную его службу и отличную нравственность, полагает: вменив в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом два месяца и после того обратиться по прежнему на службу.

Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию, за написание дерзкого письма к министру Нидерландского двора и за согласие принять противузаконный вызов на дуэль, по случаю его смерти предать забвению».

Резолюция

«Быть посему, но рядового Геккерена как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты. Николай. Санкт-Петербург, 18 марта 1837».

«Простреленным солнцем» назвал Пушкина известный поэт Кольцов...

Александр Блок написал как за нас за всех:

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни.

И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин.

Пушкин так легко и весело умел нести своё творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не лёгкая и не весёлая; она трагическая...»

Ну, а Наташа...

*Тонка, бледна, застенчива —
Мадонна,
Как будто бы сошедшая
С холста.
А сплетни, анонимки —
Всё законно:
Всегда их привлекала
Красота.*

*Но повторять наветы
Нам негоже.
Забыли мы,
Что, уходя с земли,
Поэт просил
Наташу не тревожить —
Оставим же в покое
Натали...*

Юлия Друнина

Глава 8. «Где слово царя, там и власть, и кто скажет ему: «Что ты делаешь?»»

Оставшиеся, как мы помним, до поры до времени сомнения и вопросы въедливого школяра Шуры Чижевского по поводу намеренного искажения и фальсификации истории Руси настойчиво напомнили о себе теперь, десять лет спустя.

Школяр, правда, к этому времени уже превратился в молодого профессора Александра Леонидовича Чижевского, но менее въедливым от этого вовсе не стал, а скорее даже наоборот.

Посему при изучении жизни Пушкина сомнения и подозрения о переписанной истории Руси обуяли его с новой силой.

Резануло, как по-живому: верноподданному придворному поэту, первому поэту России император поручил сказать своё слово о важнейших событиях отечественной истории, а его не допустили до всех архивов.

Александр Сергеевич занимался историей Пугачёва по прошествии тогда всего-то шестидесяти лет после бунта. Дело, однако, было обставлено так, что, вроде как никакого бунта и не было, и нет, стало быть, никакой истории.

Материалы Пушкин собирал, хоронясь, якобы для напи-

сания истории Суворова...

Дело о Пугачёве в архиве среди прочих тайных документах «...доныне нераспечатанное», – писал Пушкин в предисловии к «Истории Пугачёва».

Пушкин, как хищник, ходил около бумаг Петра Первого, Пугачёва, Павла, Екатерины Второй... Не раз и не два намекал он Николаю Первому, что есть много загадок, но тот делал вид, что не понимает, о чём речь.

По окончании работы над рукописью Пушкин решил немного слукавить, дабы обойти цензору.

Он снабдил рукопись корректным сопроводительным текстом и, пользуясь своим положением, напрямую отдал её царю. Тот потребовал изменить название «История Пугачёва» на «Историю Пугачёвского бунта», сделал ещё кое-какие правки, но книгу издать дозволил.

Правда, к архивам Пушкина так и не допустил. Зато стало понятно: калибр первого поэта России, стало быть, соответствует, если позволено будет так выразиться, калибру охраняемых придворных тайн. Точнее, даже меньше.

Как Екатерина постановила сделать эту тайну вечной, так оно поныне и есть...

Не лишне сказать, что и те архивные материалы, с которыми Пушкину позволено было работать, уже были, скорее всего, сфальсифицированы. Вспомним фальшивую Радзивилловскую рукопись...

Пушкин вообще заметил, что в царствование Николая

Первого, как и во времена более ранних Романовых, тоже идёт уничтожение документов: Николай Первый сжёг дневники своей матушки, вдовы Павла Первого, дневники вдовы Александра Первого, бумаги Зубова, а также архив «железного князя» Петра Михайловича Волконского, везде неотступно сопровождавшего Александра Первого...

Вполне вероятно, Пушкин догадывался, что настоящая история Пугачёва совсем не такая, какой её тогда представляли. Уж не потому ли её и разрешили печатать...

Догадывался хотя бы по ряду несоответствий и многим странностям, которые мыслящего человека невольно озадачивали.

Бывали бунты и мятежи на Руси и прежде. Классические бунты классически и подавлялись. Будь то Разин или Болотников...

В «пугачёвщине» же никакой классикой и не пахнет.

Это чтобы к шайке-то разбойников примыкало духовенство, причём высшие его чины?! Или чтобы на сторону самозванца переходили отборные кадровые эскадроны донских казаков с их хитромудрыми и обычно осторожными атаманами?!

Ну, а про «чёрный люд», как писал Пушкин, мы и не говорим...

Дело дошло до того, что государыня сама хотела возглавить огромное войско, снятое с войны с Турцией. Скоропостижный мир на Турцию свалился об ту пору, как манна

небесная...

Сам Александр Васильевич Суворов, победитель многих царей, императоров, маршалов и прочих визирей был поставлен против разбойника во главе регулярной армии.

Сама Екатерина проговорила чисто по-женски, что против Пугачёва была «наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была».

А как расценить, что войско Пугачёва было грамотно организовано и управлялось настоящей Военной коллегией с полевыми судами и прочими известными атрибутами?!

На подвластных территориях зачиналась кипучая административная деятельность народного правительства... Ни в разинском бунте, ни в восстании Болотникова, например, ничего похожего и в помине не было.

Потомственному дворянину, генеральскому сыну Александру Чижевскому трудно было понять, каким образом в войске безродного бандита Пугачёва оказались вдруг польские и французские офицеры. Шляхта на стороне разбойника и самозванца?! Что-то тут не вяжется... Или целые отряды, сформированные из обычно смиренных немцев-колонистов...

Что-то не стыкуется и в биографии самого Пугачёва. Вначале это – заурядный, малограмотный казак, в военные годы дослужившийся всего лишь до хорунжего, потом вдруг в считанные недели – народный вождь по всем параметрам...

Случались, конечно, местами в разные времена «народ-

ные самородки», однако аналитик Чижевский, изучавший летописи всех стран за две с половиной тысячи лет, никак не мог отделаться от мысли, что бунт Пугачёва больше походил на гражданскую войну.

Самозванцев и на Руси хватало, но так вздыбить всю Россию мог только самородок, за которым кто-то стоял...

Опять рецидив Орды?!

А может, тот, кого называли Пугачёвым, и в самом деле был уцелевший в 1762 году царь Пётр Третий, и никакой он не Лжепётр?..

Пушкин, собирая материал о Пугачёве на Урале, неоднократно разговаривал со стариками, которые искренне возмущались, когда он называл его так.

«Это для тебя он Пугачёв, – серчали казаки, – а для нас он настоящий государь Пётр Фёдорович!»

Почему-то Екатерина в личной переписке несколько раз называла его «маркизом»... И судили Пугачёва не где-нибудь, а в Тронном зале Кремлёвского дворца... И судьи перед началом процесса дали навечную «подписку о неразглашении»...

Что-то многовато казусов для простого крестьянского восстания...

Всё становится на свои места, если допустить, что Пугачёв и есть на самом деле Пётр Третий, чудом спасшийся после дворцового переворота, устроенного Екатериной Второй и её «зажравшимися» гвардейцами.

Хочется верить, что Пушкин был честен и искренен при написании «Истории Пугачёва». Это значит, что пользовался он уже новым историческим материалом, переработанным при Екатерине Второй.

Нетрудно предположить, что раз до истины не смог докопаться придворный поэт, к тому же спустя всего пятьдесят – шестьдесят лет после казни Пугачёва, чего же следует ожидать от последующих историков по прошествии ста пятидесяти – двухсот лет...

А все эти годы в нашем сознании укореняется определённая, неправдивая модель нашего прошлого, и опровергнуть её становится всё труднее и труднее...

Профессор Чижевский по натуре был весьма далёк от интриганства, поэтому инстинктивно склонялся к исследованиям более объективным, не подверженным ангажементу, то есть физическим. Хотя, как показало время, и там он ухитрился довести до белого каления массу просвещённых субъектов.

Сомнения его по поводу тёмных пятен в отечественной истории и хронологии никак не мог развеять и отец – бывший царский генерал и благочинный дворянин.

Стало быть, искать и вещать версии о том, кто, когда и зачем так беспардонно отредактировал историю нашего отечества, предстоит нам самим...

Итак...

Кто – Романовы, когда – начало 18 века, зачем – ...

В начале 18 века Пётр Первый Романов основал Российскую академию наук. На историческом её отделении за сто двадцать лет существования было тридцать три академика-историка. Из них только трое... русских, включая М. В. Ломоносова. Остальные – немцы, Екатериныны земляки.

Профессиональным историкам хорошо известно, что историю Древней Руси до начала 17 века писали немцы, причём многие из них даже не знали русского языка. Ломоносов писал свою историю государства российского, в корне отличную от онемеченной. Бился за неё рьяно и отважно, живота не жалел в буквальном смысле...

Ещё в 1725 году кафедру по восточным древностям и языкам в Академии занял Байер, приглашённый в числе многих других немцев императрицей Анной Иоановной. Тогда же в академических кругах появился и Миллер. Чуть позже их дело продолжил историк Шлезер.

Вся эта «херр-компания» с пеной у рта доказывала, что восточные славяне в 9-10 веках были сущими дикарями, спасёнными из тьмы невежества просвещёнными варяжскими князьями. По имеющей хождение и поныне теории Байера «...прибывшая на Русь кучка норманнов за несколько лет превратила “тёмную страну” в могучее государство».

Ломоносов сопротивлялся, как мог, многие русские академики его поддержали – А. К. Мартов, И. Горлицкий, Д. Греков, М. Коврин, В. Носов и другие.

Созданная для разбирательства научного спора Сенатская комиссия во главе с князем Юсуповым супротив императрицы выступить не решилась.

«...за неоднократные неучтивые бесчестные и противные поступки как по отношению к Академии, так и к комиссии и к немецкой земле подлежат смертной казни или в крайнем случае наказанию плетьюми и лишению прав и состояний», – это по отношению к Ломоносову (!). Остальных – в Сибирь, как водится, на перековку...

Новая императрица Елизавета Петровна не рискнула, однако, казнить или даже пороть академика Ломоносова. Она лишь вдвое уменьшила его жалование и унизила приказом просить прощения у немецких профессоров.

Последние, однако, на этом не успокоились.

В 1763 году по доносу Тауберта, Миллера и других уже Екатерина Вторая уволила Ломоносова из Академии.

Ещё в 1751 году была опубликована ломоносовская «Древняя российская история». Невероятную ярость у оппонентов вызвала особенно её первая часть «О России прежде Рурика».

Однако после смерти Михаила Васильевича по приказу Екатерины Второй вся его библиотека и бумаги были изъяты графом Орловым и бесследно исчезли...

Поэтому опубликованные позже под редакцией Миллера труды Ломоносова, разумеется, уже были нужным образом «онемечены».

И вы хотите, чтобы теперь все так сразу осознали, что борьба русских с ордынцами – это борьба русских с русскими, то есть гражданская война за единоличную власть?! И что империя от Тихого до Атлантического и от Северного Ледовитого до Индийского океанов – это империя русских?!

Да разве тёмные дикари в состоянии покорить просвещённых европейцев?!

И уж коли волею судеб добрались германцы до власти в России, разве они согласятся с такой историей?!

А вот свидетельство недоступного немецким профессорам, а потому объективного летописца архимандрита Рагузского – 1601 год:

«Славянский народ озлоблял оружием своим чуть ли не все народы во Вселенной: разорил Перейду, владел Азией и Африкою, бился с египтянами и с великим Александром, покорил себе Грецию, Македонию, Иллирическую землю, завладел Моравиею, Шлёнскую землёю, Чешскою, Подольскою и берегами моря Балтийского, прошёл в Италию, где многое время воевал против римлян.

Иногда побеждён бывал, иногда биючился в сражении, великим смертопобитием римлян отлицевал, иногда же биючился, в сражении ранен был. Наконец, покорив под себя державство Римское, завладел многими их провинциями, разорил Рим, учиня данниками Цесарей римских, чего во всём свете иной народ не чинивал.

Владел Франциею, Англиею и уоставил державство во

Шпани, овладел лучшими провинциями в Европе, и от сего славного народа в прошедших временах произошли сильнейшие народы, то есть славяне, вандалы, бургунды, готы, остроготы, руси или раси... даки, шведы, норманны, финны, украинцы...»

Сейчас известны чудом уцелевшие исследования доктора философии, статского советника Егора Ивановича Классена – «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени, в особенности с лёгким очерком истории руссов до рождения Христова». Они вышли уже спустя почти тридцать лет после Пушкина, а посему были ему недоступны.

«К счастью, – писал Классен, – имеем мы двойного рода источники к воссозданию древнего славянского мира: это летописи и памятники, которые говорят совершенно против них (фальсификаторов – авт.).

Славяно-русы как народ, ранее римлян и греков образованный, оставили по себе во всех частях Старого света множество памятников, свидетельствующих об их там пребывании и о древнейшей письменности, искусствах и просвещении. Памятники пребудут навсегда неоспоримыми доказательствами...»

А приглашённые князья-варяги были из Поморской Руси...

«Народ твой искони служил моим предкам», – писал Иван Грозный шведскому королю.

Некий поляк Тадеуш Воланский, покопавшись в древностях и поразмыслив, издал смелый по тем временам труд: «Памятники письменности славян до Рождества Христова». Труд смелый настолько, что католический примас Польши запрашивал у императора Николая Первого дозволение применить к отщепенцу аутодафе – публичное сожжение на костре еретиков или еретических сочинений.

К счастью, этот грех Николай Первый на душу не взял, спустив щекотливый вопрос на тормозах.

Самые упёртые краелюбы откопали откровения и самой Екатерины Второй, которую трудно заподозрить в симпатиях к славянскому народу. В своих «Записках касательно русской истории» (СПб., 1787) импортная императрица вынуждена была признать:

«Славяне на востоке, западе и севере обладали толикими областями, что в Европе едва ли осталась земля, до которой они не касались».

Так что не зря прикормленные немецкие историки переписывали историю Руси...

«...Кто владеет прошлым – владеет будущим».

*Острее стало ощущение
Шагов истории самой...*

Ярослав Смеляков

Глава 9. «Род проходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки...»

В очередной свой приезд домой, в Калугу, на Рождество 1925 года, Александр задумал спровоцировать отца.

«Господин генерал! А каким образом вы собираетесь отмечать сто лет со дня восстания декабристов?!»

Генерал подвох учёного сына раскусил сразу, поэтому с ответом не спешил, лишь ухмылялся и поглаживал в раздумьи бороду.

Морозным декабрём 1825 года кучка дворян порешила свергнуть российского самодержца. Присягавший царю генерал по идее должен его защищать, а посягнувших на трон по всем статьям презреть.

Большевики-революционеры, которым теперь служил бывший генерал Чижевский, на почве ненависти к самодержавию записали дворян-революционеров к себе в союзники.

Очередной провокационный вопрос сына по сложившейся между ними традиции подлежал объективному обсуждению, безоговорочно честному и, по возможности, бескомпромиссному.

Устоявшаяся во времени догма, что везде и повсюду ре-

волюционеры – это честные борцы за благо народа, оказывается, довольно живуча. Это теперь черед военных хунт и переворотов изрядно этот миф поистрепала. А в 1925 году большевистское «ура!» всё ещё сотрясало планету. Немудрено, что честный дворянин и патриот, движимый благими намерениями, вполне добровольно примкнул к революционерам.

Но на заре 19 века Россия представляла собой несколько иную страну, а менталитет народа российского был совсем не тот, что теперь. Россия была патриархальная страна, на восемьдесят процентов крестьянская, с казавшейся неизблемой идеологией – православием.

«Царь – помазанник Божий! Посягнувший на царя – посягнул на самого Господа!»

А в планы декабристов среди прочего входило убийство царя и всех возможных наследников. Впрочем, эти декабристские планы как раз не были оригинальны: редко какие дворцовые перевороты обходились без цареубийства.

Какой уж тут процент успеха, если те самые восемьдесят процентов – это кососмотрящая оппозиция...

Правда, революционеры-теоретики уверяют, что тихая или затюканная оппозиция вождям революции только на руку.

Как-то той зимой всё пошло наперекосяк. Взял и где-то в командировке умер Александр Первый, и убивать его мятежникам не пришлось. Междучарствование – это же для

повстанцев подарок судьбы!

Невольно дискредитирован Николай Первый: то он давеча отрёкся от престола, принёс присягу Константину, а теперь вот воду мутить вздумал, в цари лезет.

«Видишь ли, Шура, – рассуждал генерал Чижевский, – давай не будем забывать, что свои революционные идеи господа Пестель, Трубецкой и иже с ними почерпнули у своих коллег во Франции, где многие из них бывали в составе регулярной российской армии. Только вот революцию французскую тамошний народ выстрадал и жаждал всеми фибрами. А наш-то российский люд вовсе никакой революции не хотел.

Все эти крестьянские бунты имели скорее хозяйственные цели, если позволительно будет так выразиться, политические лозунги бунтари как-то не формулировали.

Но дело даже не в незрелости повстанцев. Могу тебя удивить убеждением, бывшим в ходу в нашей среде во времена, когда на плечах у меня были ещё погоны поручика.

Декабристам никто бы не дал “победить” в их понимании. Посуди сам: изначально гиблый расклад – три полка поднимут многие другие части, сметут царя – и вот они: свобода, равенство и братство.

Да против-то был весь санкт-петербургский гарнизон Милорадовича, а это куда как поболее, чем три полка. Мало того, из офицеров тогда редко кто сомневался, что оба “диктатора” мятежников – чин-то какой придумали, прости Госпо-

ди! – Трубецкой и Оболенский – были как раз людьми Милорадовича.

И планы реальные, скорее всего, были нацелены на нового царя-малолетку, регенство марионеточной императрицы-бабушки Марии Фёдоровны, то есть на реальную, всеобъемлющую власть людей типа Милорадовича. Тебе ситуация 1917 года не кажется более успешным дублем?!

Не возьмусь расценивать, каково бы нам с тобой теперь жилось при таком раскладе...

Одно могу утверждать: сплоховал сам Милорадович, за что и погиб. И, наоборот, сильный ход сделал не хотевший погибать Николай Первый: картечь из трёх пушек по его приказу повергла в шок не только повстанцев, но и сочувствующих. И всё было кончено!

И всё-таки за те четыре часа суматохи на Сенатской площади шанс у заговорщиков был вполне реальный. И царя могли арестовать, и войска склонить. Революционеры-дилетанты, что тут скажешь...

Смотри, как оно вышло с крепостным правом. Вопрос этот назрел, тогда уже ясно было всем: с таким анахронизмом Россия обречена быть аутсайдером.

На смертном одре Николай Первый берёт слово с наследника решить этот вопрос. И вот, спустя тридцать с лишним лет появляется “Манифест об отмене крепостного права”.

Только вряд ли декабристы так это себе представляли. Крепостное право отменили, но зависимость крестьян от по-

мещиков фактически осталась, как они могли свою же землю выкупить по высоким ценам...»

Генерал замолчал в раздумье...

«Правда, при Николае Втором его экономисты эту ситуацию всё-таки разрулили...»

«Скажу тебе больше, – продолжил Александр, – за время работы в архивах мне попадались на глаза прелюбопытные докладные записки начальника Третьего отделения Бенкендорфа и шефа жандармов Дубельта. Смысл их поначалу обескураживал: почти все имена декабристов были заложены в казну, то есть все они были должники царя...»

Подтвердим слова молодого Чижевского запиской генерала Дубельта:

«Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы “людей 14 декабря”, было ложное утверждение, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а императорской фамилии.

Дьявольское рассуждение, что отделившись от кредитора, отделяются от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

Ох, пережила... Да, и поныне живёт...

«Как думаешь, отец, были у Бенкендорфа и Дубельта при-

чины сочинять?!»

«Да уж теперь-то на них всех собак вешают, – кхекнул генерал, – а между тем, и это не только по моим убеждениям, это – люди чести, боевые офицеры, герои 1812 года. И профессионалы, надо признать, весьма матёрые. Так что очень вероятно, что дело так и обстояло».

«Но ты посмотри, какая умница Пушкин! – Александр полистал толстую потрёпанную тетрадь, в которую имел обыкновение записывать заинтересовавшую его информацию. – Двадцати трех лет от роду, сам дворянин и владелец крепостных, но ограничения дворянством самодержавия не одобрял... Вот, полюбуйся: ”Владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и затруднили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных”. Есть ещё любопытная информация на эту тему... – Александр опять полистал тетрадь. – Вот: “Молодёжь, то есть дворянчики от семнадцати до тридцати лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма”».

Мы спать хотим... И никуда не деться нам

*От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить...*

Наум Коржавин

Глава 10. «Всё идёт в одно место: всё произошло из праха, и всё возвращается в прах...»

«Большевики, похоже, больше не опасаются интервенции», – пригласил Шура отца к разговору, просматривая последние газеты.

«Совсем. Во всяком случае, наши слушатели ни малейшего беспокойства не выказывают. По чести сказать, и с объединением пролетариев всех стран у них как-то не очень устраивается...»

Только с сыном старый генерал мог открыто говорить о наблевшем. Всё же остальное время он вынужден был лишь слушать, анализировать и делать горькие выводы.

«Время стратегическое, насыщенное, что тут скажешь... Я много размышлял, откуда проистекают на Россию-матушку такие катаклизмы: война с германцами, отречение императора, революции, победа большевиков, интервенция...»

Не один генерал Чижевский, разумеется, размышлял о причинах и истоках свалившихся на Россию бед. Вооружённые новыми материалами исследователи-историки, кажется, уже выстроили логику событий того бурного времени. Ан нет. В архивах откапываются новые сокровища, свежие умы рождают свои оригинальные версии, и вот уже система и за-

трещала...

Отнюдь не скучная наука – история...

Дадим слово классикам.

Английский писатель Паркинсон, автор знаменитых «законов Паркинсона», однажды высказался о причинах краха российской монархии так:

«...любую революцию порождает само правительство, оно создаёт вакуум, куда бунтари засасываются, можно сказать, против воли... Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьём счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, чего они не удосужились сделать. А подлинные лидеры правят мощно, ярко, быстро ведут за собой народ к чётко поставленной цели.

Когда этого нет, как, скажем, в царской России, и возникает вакуум...

Нас ввели в заблуждение историки: если верить им, революции совершали голодные крестьяне, замыслив бунт против своих хозяев. Но так ли это?

Люди, которые по-настоящему угнетены, никогда не поднимутся на бунт, и, если бы революции вырастали из народного недовольства, они случались бы гораздо раньше, когда дела обстояли ещё хуже. Но в том-то и дело, что тираны процветают, а кресла трещат под их преемниками, у которых вроде бы самые благие намерения».

Знаменитый русский военный теоретик Драгомиров о по-

следнем российском императоре:

«Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России неспособен...»

Министр иностранных дел России Дурново:

«...(Николай Второй) обладает средним образованием гвардейского полковника, что для хозяина империи явно недостаточно...»

Известный юрист Кони:

«Его взгляд на себя, как на провиденциального помазанника божия, вызывал в нём подчас приливы такой самоуверенности, что ставились им в ничто все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые ещё обнаруживались в его окружении.

...Трусость и предательство прошли красной нитью через всю его жизнь, через всё его царствование, и в этом, а не в недостатке ума и воли, надо искать некоторые из причин того, чем закончилось для него и то и другое...

...Отсутствие сердца и связанное с этим отсутствие чувства собственного достоинства, в результате которого он среди унижений и несчастья всех близко окружающих продолжает влачить свою жалкую жизнь, не в силах погибнуть с честью...»

Британский премьер-министр Ллойд Джордж:

«...российская империя была ковчегом, у которого полностью отсутствовали мореходные качества. Весь его остов прогнил, и экипаж был не лучше. Капитан годился только

для прогулочной яхты в спокойных водах, а штурман выбирался его женой, отдохавшей на кушетке в каюте».

Николая Второго британский лев характеризовал как «корону без головы»: «...конец был трагичным, но за эту трагедию страна не может нести ответственность ни в коем случае».

Даже питающий к Николаю Второму самый горячий пиетет известный американский дипломат Роберт Мэрфи не выдерживает:

«В ходе войны народ хотел не революции, а только реформ. Но Александра, побуждаемая Распутиным, страстно протестовала против всякого умаления царской власти. Уступая жене, борясь за спасение самодержавия и отрицая все доводы в пользу ответственного перед народом правительства, Николай Второй сделал революцию, и конечный триумф Ленина неизбежным».

Справедливости ради надо заметить, что в последнее время стали известны свидетельства людей, по долгу службы каждодневно бывавших при дворе, о том, что влияние одиозного старца на императрицу сильно преувеличено. Он-де бывал в царских покоях крайне редко и только тогда, когда требовалось остановить кровотечение больного гемофилией цесаревича Алексея. Гипноз сибирского мужика был единственным средством...

И по поводу триумфа Ленина не всё так просто... Не деньги ли Парвуса (Гельфанда) и изошрённые планы германцев

сделали тот триумф возможным?..

Теоретики-монархисты во многих странах, между тем, уже давно не спорят по поводу прав и обязанностей монарха. Века назад выстраданы аксиомы, что брак монарха обязан:

- принести родине политические выгоды;
- служить появлению на свет здорового потомства.

Иначе смута и потрясения отчизне...

Не имел права Николай Второй жениться на Алисе Гесенской. Медики уже тогда знали, что в своих генах она несёт страшную болезнь – гемофилию, обрекавшую наследника российского престола на раннюю смерть.

Мало того. С упорством параноика она старалась избавиться от мало-мальски толковых государственных деятелей, боясь, что те затмят её Ники. Со стороны пылко влюблённого Ники ей ни в чём, никогда не было отказа...

Ах, если бы не это, колоссальная империя в наследство с её фантастическими возможностями и таким разношёрстным народом... Об их с Алисой любви можно было писать исключительно оды и романы. А пришлось писать «Манифест» об отречении...

Председатель Совета министров С. Ю. Витте со скрипом, но провёл в жизнь реформы, обеспечивавшие конвертируемость российского рубля, ввёл золотую валюту. Золотой доллар стоил тогда почти два золотых рубля. Русские помещики и заводчики в Европу запросто наезжали с российским рублём...

Реформы Витте и Столыпина по оценкам экономистов вполне могли вывести Россию из тогдашнего тупика. Но... Витте – в отставку, Столыпин убит...

«Надеюсь, вы не будете меня заслонять, так как это делал Столыпин?» – вкрадчиво спросил Ники, назначая новым премьер-министром никчемного Коковцева.

Надо признать, что в результате тех реформ великодержавная Россия становилась колоссом уже не на глиняных ногах, а супердержавой номер один в мире. Далеко не всех такой расклад устраивал... Вот и заслал Парвус Ленина в Россию в опечатанном вагоне... Через всю враждебную Германию литерному составу горел зелёный свет...

Родственники Ники великие князья были по-своему ему под стать, не чурались ни казнокрадства, ни финансовых авантюр, ни спекуляций земельными участками...

Немудрено, что к Первой мировой войне Россия была явно не готова.

«...Корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжёлой артиллерии и запаса ружей», – свидетельствовал в своих воспоминаниях А. И. Деникин.

«...Закон о постройке флота прошёл только в 1912 году. ...Так называемая “Большая программа”, которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь в марте 1914 года».

И вот это-то как раз чувствовал генерал Чижевский по

своей артбригаде. Чувствовал и не понимал, что происходит.

Существуют документы, что с поставкой вооружений к 1917 году дело более-менее наладилось, и планируемое при участии императора наступление должно было сломить выдыхающуюся Германию. Вот тут Парвус с Лениным и подоспел... На фронтах братание, позорный мир, войне конец... Конец и империи...

«Агония» – так потом образно назовут то время...

Примечательно, что все командующие фронтами, включая родного дядю императора, в поисках выхода из этой агонии высказались за отречение от престола. Спрашивается, смогли бы высшие военные чины, боевые генералы, так легко отречься от сто'ящего императора?! Вряд ли... Нет для императора большего позора, чем недоверие своих генералов. А он заламывал руки: «Кругом измена, и трусость, и обман!»

«Россия не романовская вотчина!» – в сердцах воскликнул тогда генерал Врангель.

«Никто не может отнять у русского государя священное право и обязанность спасать в дни тяжёлых испытаний Богом врученную ему державу», – сказал однажды Столыпин безотносительно, правда, к Николаю Второму.

«Отрёкся, как роту сдал», – не без брезгливости заметил один видный госчиновник.

Вот в такой вакуум по закону Паркинсона и «засосало» большевиков. На целых семьдесят четыре года...

А что касается интервенции...

Генерал Чижевский чутко прислушивался к мнению младших командиров, прибывающих со всех фронтов в Калугу на курсы, которыми он руководил. Разумеется, слышал он много больше, чем они говорили...

В настроениях молодых красных командиров доминировала в основном эйфория. Большевистской пропаганде не составило труда зомбировать молодые мозги. Но встречались личности и трезвомыслящие. В беседах с ними генерал постепенно и пришёл к выводу, что... по большому счёту, никакой интервенции и не было.

А был шумный пшик и собственные интересы.

«Странное дело, – думал генерал, – один из основных лозунгов большевиков – это экспроприация частной собственности – в мировом масштабе! Вроде бы капиталисты во всех странах должны были как-то сплотиться и ликвидировать такую угрозу...»

По доброй традиции дадим слово классикам.

Госсекретарь США Роберт Лэнсинг (1917 г.):

«Россия стоит на пороге самой ужасной трагедии в мировой истории. Она погружается в кровопролитие, беззаконие и насилие. “Красный террор” превзойдёт жестокостью и масштабом смертей и разрушения собственный террор Французской революции. Что касается других сил, борющихся за власть в России, то их цели и действия выглядят слишком неопределёнными, чтобы доверять хотя бы одной из этих

группировок... Не предпринимать ничего, пока в России не завершится чёрный период терроризма».

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж (1918 г.):

«Мы не были слишком озабочены внутренними проблемами России. Перед нами стояла только военная проблема – как предотвратить усиление Германии вследствие обретения ею российской пшеницы и нефти в результате сепаратного мира с большевиками».

Министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур (1917 г.):

«Большевики – опасные мечтатели, опирающиеся, с одной стороны, на германское золото, с другой – на нежелание русской армии воевать. Однако вопреки точке зрения некоторых членов кабинета, я твёрдо убеждён, что в интересах Британии следует избегать как можно дольше прямого столкновения с этим безумным режимом».

Член кабинета министров лорд Роберт Сесил (1917 г.):

«...большевики вывели Россию из рядов цивилизованных стран...»

Англичане всё же высадились в Архангельске, но лишь для того, чтобы прибрать к рукам огромные воинские склады и не отдать их в руки германцев. Как только Германия капитулировала, англичане снялись с якоря и с достоинством и трофеями удалились в туманный Альбион.

Все три прибалтийских новорожденных независимых сра-

зу же сговорились с большевиками и под их гарантии разоружили на своей территории белогвардейские части. Потом, видимо, не раз жалели...

Финны... Своих красных ликвидировали, но Белой гвардии ни на грош не помогли. И тоже, вероятно, позже сожалели...

Французы вообще грозились развернуть палубную артиллерию своих военных кораблей, стоящих на рейде в Одессе, на войска Деникина, если тот попытается войти в Одессу. Какая уж тут интервенция?!

Чехи... Мало того, что самоустранились от войны с большевиками в Сибири, так ещё и умыкнули вагон с колчаковским золотом. А чтобы самостийные сибирские партизаны разрешили им его вывезти, сдали тем адмирала Колчака.

Вот в такой обстановке большевики и получили шанс и козырь и воспользовались им по полной, на целых семьдесят четыре года... В то время, как многие их видные деятели впоследствии признавали: если бы интервенция была полнокровной, большевики не могли не пасть...

Получается опять прав старый бульдог Черчилль: «У Британии нет ни друзей, ни врагов: есть только её интересы...»

Всё обойтись могло с течением времени.

В порядок мог втянуться русский быт...

Какая сука разбудила Ленина?

Кому мешало, что ребёнок спит?

Наум Коржавин

Глава 11. Академия в Уголке.

Маразм и последующая скоропостижная кончина старого вождя не на шутку обеспокоила вождя нового:

«Вай-вай! Так можно и нэ успэть соедынит пролэтариеф фсэх стран! Надо взат за яйца этих бездэлникоф-прафэсо-роф!

Тавариш Сэмашка! А как ваши профэсора сабираюца берэч здаровье наших атвэтствэнных работникоф?! Случай с Владимиром Иличом гаварит нам о том, что в вашем камисариатэ ест эшо очен много проблэм... Падготовтэ мнэ даклад о састаяныи дэль...»

В четырнадцать ноль-ноль нарком здравоохранения стоял навытяжку в рабочем кабинете Сталина на Кунцевской даче. За время от ночного звонка и до момента, когда вождь начинал после завтрака набивать трубку табаком из папирос, опытный царедворец должен был найти нужную вождю информацию.

Сегодня для Семашко был удачный день: вождь выспался и позавтракал с аппетитом.

«На сорок працентоф продлэвает жизн крыс и курэй... А зачэм нам куры-далгожитэли? А, тавариш Сэмашка? Старые куры нэ вкусные... Нам нужны балшевыкы-далгожитэли!

Чижэфски... Маладой... Всо равно пуст работаэт быстрээ, а-то он можэт бистро састарица...»

Это означало, что после не совсем удавшихся работ по телепатии в институте биофизики Александру Чижевскому предстояло сделать приоритетными вопросы профилактики здоровья, а также продления жизни.

Молодой профессор в ту пору не мог даже догадываться, что теперь он попал в обойму, под негласный надзор. Традиция укрывать от молвы наиболее ответственных исследователей и учёных сохранилась в России по сей день. Засекреченные люди, лаборатории, институты, засекреченные города... Так просто и незатейливо на судьбу Чижевского была поставлена чёрная метка. Надзор, завистники, премии, лагеря... Мозги должны быть под контролем власти...

Молодые гении, собранные волей вождя в полуподвальные лаборатории Москвы, не роптали. Вечно голодные, отрешённые от суровой действительности, одинокие, фанатично уверовавшие в грядущие великие открытия, они рвались осчастливить человечество плодами своего труда.

Спецархивы хранят ещё много тайн об этой славной когорте, но советские самолёты, ракеты и ядерное оружие точно оттуда, из подвалов и шарашек.

Практическая лаборатория зоопсихологии Наркомпроса, Москва, Старая Божедомка, 4...

Опыты по телепатии и гипнозу, медицинские операции по замене органов и разработка фантастических препаратов, психотронное оружие и многое-многое другое, и всё это – да-да, в Уголке Дурова. Только теперь мы узнали, что вовсе

это и не Уголок был, а целая академия. Регулярные заседания Учёного совета, доклады профессоров и академиков...

Бывали здесь академики В. М. Бехтерев и А. В. Леонтович, наркомы А. В. Луначарский и Н. А. Семашко...

Не только великим дрессировщиком и большим затейником, оказывается, был дедушка Дуров, но и крупным учёным-исследователем.

Личное знакомство с упомянутыми наркомами и привело Александра Леонидовича в 1923 году по упомянутому адресу.

Пол вестибюля в доме Дуровых на Божедомке, 4 был выложен плитками с приветливым словом «Vale» посередине: «Будь здоров!» на латыни...

Идея добывать для пролетариев витамины из воздуха с помощью электричества, с которой профессор Чижевский объявился в лаборатории, была встречена коллегами сдержанно, но с пониманием.

В выделенном ему помещении молодой профессор быстро организовал аспираторий, повесил к потолку парочку своих нехитрых ионизаторов, и процесс пошёл.

Вялые и облезлые заморские животные, против своей воли помещённые в малокомфортный для них московский климат, резвели, якобы, на глазах. Кривая падежа от туберкулёза застремила к нулю. Сам дедушка Дуров уверял, что при повышенных аэроионах его питомцы простачи умнели на глазах, а требуемые от них условные рефлексy схватыва-

ли сразу и надолго.

Привыкший же к чудесам обслуживающий персонал бесстрастно констатировал, что у пернатых, де, повысилась яйценоскость, а у шерстистых, соответственно, лохматость...

Прямым свидетельством успеха профессора Чижевского на новом поприще служила выделенная ему, наконец, комната в коммунальной квартире в доме Эдисона по адресу Тверской бульвар, 8.

Результаты опытов стали известны в Европе и за океаном, там и пришла настоящая первая слава. Чижевского довольно скоро избирают своим почётным и действительным членом более тридцати академий, институтов и научных обществ Европы, Азии и Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.